

В паутине

Люси Мод Монтгомери

16+

Люси Мод Монтгомери

В паутине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65070996

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96913-1

Аннотация

«В паутине» – «A Tangled Web», остроумный, полный сарказма и ярких характеров, сентиментальный роман Люси Мод Монтгомери, автора «Энн из Зеленых Крыш». Все началось с завещания старейшины семейного клана, миссис Теодор Дарк, известной в клане, как тетя Бекки, обладательницы семейной реликвии – старинного кувшина. В семействе немало желающих получить его, но новый обладатель кувшина будет назван не раньше чем через год. За это время в семейной паутине произойдет немало событий, во многих судьбах совершится неожиданный поворот, и старый кувшин сыграет во всем этом не последнюю роль. Впервые на русском языке.

Содержание

Глава I. Прием у тети Бекки	5
1	5
2	13
3	29
4	33
5	39
6	50
7	55
8	65
9	71
10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Люси Мод Монтгомери

В паутине

*Моим добрым друзьям мистеру и миссис Фред У. Райтам
в память об одной веселой неделе*

Глава I. Прием у тети Бекки

1

О старом кувшине Дарков рассказывают дюжину историй. Эта самая что ни на есть подлинная.

Из-за него в семействах Дарков и Пенхаллоу произошло несколько событий. А несколько других *не* произошло. Как сказал дядя Пиппин, этот кувшин мог попасть в руки как провидения, так и дьявола. Во всяком случае, не будь того кувшина, Питер Пенхаллоу, возможно, сейчас фотографировал бы львов в африканских джунглях, а Большой Сэм Дарк, по всей вероятности, никогда бы не научился ценить красоту обнаженных женских форм. А Денди Дарк и Пенни Дарк не поздравляли бы себя с тем, что без потерь выбрались из этой истории.

Кувшин по праву принадлежал тете Бекки Дарк, *урожденной* Ребекке Пенхаллоу. Фактически, большинство Дарков были *урожденными* Пенхаллоу, а большинство Пенхаллоу – *урожденными* Дарками, за исключением изрядного меньшинства Дарков, что были *урожденными* Дарками или Пенхаллоу, *урожденных* Пенхаллоу. В трех поколениях шестьдесят Дарков заключили брак с шестьюдесятью Пенхаллоу. Полученное в результате генеалогическое переплетение оза-

дачивало всех, кроме, разве что, дяди Пиппина. Ни один Дарк не мог вступить в брак с кем-то иным, кроме Пенхаллоу, и ни один Пенхаллоу – ни с кем иным, кроме Дарка. Говорили, что когда-то они не выбирали других. А ныне никто не выбирал их. По крайней мере, так утверждал дядя Пиппин. Но слова дяди Пиппина следует принимать с изрядной натяжкой. Ни Дарки, ни Пенхаллоу отнюдь не пришли в упадок. Они все еще оставались гордыми, крепкими, жизнеспособными семьями, которые спорили и сражались внутри своего клана, но вставали нерушимой стеной против любого пришельца или вражьей силы извне.

В каком-то смысле тетя Бекки являлась главой клана. С точки зрения возраста Кросби Пенхаллоу, которому исполнилось восемьдесят семь, при том, что ей было всего восемьдесят пять, мог оспорить ее старшинство, если бы это его заботило. Но восьмидесяти семилетнего Кросби Пенхаллоу интересовало лишь одно. До тех пор, пока он мог каждый вечер встречаться со своим закадычным другом Эразмусом Дарком, чтобы поиграть дуэтом на флейте и скрипке, тетя Бекки могла держать скипетр клана так долго, как ей хотелось.

Нужно честно признать, что тетя Бекки не была особо обожаема семейством. Она слишком любила повторять, что всегда говорит чистую правду. Как утверждал дядя Пиппин, пока правда остается *на своем месте*, не имеет смысла выкладывать ее там, где она нежеланна. Но такт, дипломатич-

ность и благоразумие, не говоря уже об уважении к чужим чувствам, тете Бекки были неведомы. Когда она хотела что-то сказать, она говорила это. Поэтому общество тети Бекки никогда и нигде не бывало скучным. Одни переживают удары и тычки, другие находят удовольствие наблюдать за людьми, суесящимися под ударами и тычками. Поскольку тетя Бекки знала от А до Я все маленькие печальные, странные или страшные истории клана, ни у кого не имелось доспехов, которые не могло бы пронзить ее копьё. Маленький дядя Пиппин утверждал, что не променял бы ни одного из «приемов» тети Бекки даже на хорошую драку.

«Она – личность», – свысока заметил доктор Гарри Пенхаллоу в один из своих визитов домой по случаю чьих-то похорон.

«Она – чудачка», – ворчал Утопленник Джон Пенхаллоу, который, будучи сам неисправимым чудачком, был снисходителен к соперникам.

«Это одно и то же, – усмехался дядя Пиппин. – Вы все боитесь ее, потому что она слишком много знает о вас. Говорю вам, парни, только тетя Бекки и такие, как она, не дают нам зачехнуть».

Тетя Бекки уже двадцать лет была для всех «тетей Бекки». Однажды, когда на почту в Индейский Ключ пришло письмо, адресованное «Миссис Теодор Дарк», новый почтальон вернул его с пометкой «Личность не установлена». Но это было законное имя тети Бекки. Когда-то у нее был муж и

двое детей. Все они умерли – так давно, что даже она сама почти забыла их. Она много лет жила в двух арендованных комнатах в Соснах – доме своей старой подруги, Камиллы Джексон, в Индейском Ключе. Двери многих домов Дарков и Пенхаллоу были открыты для нее, потому что клан никогда не забывал о своих обязательствах, но тетя Бекки не посещала их. У нее имелись свой крошечный доход и Камилла, которой было легко управлять, так как она не носила имени Дарк или Пенхаллоу.

«Я собираюсь устроить прием», – сказала тетя Бекки дяде Пиппину, когда тот как-то днем зашел проведать ее. Он слышал, что она нездорова. Но обнаружил ее сидящей на кровати среди подушек. На ее широком с крупными чертами лице, как обычно, светились ум и язвительность. Он отметил, что, вероятно, нет ничего серьезного. Тетя Бекки слегла в постель много раньше, когда решила, что семейство игнорирует ее.

С тех пор как она переехала в Сосны, тетя Бекки время от времени устраивала сборища, которые именовала «приемами». Она заимела традицию объявлять в местной газете, что миссис Ребекка Дарк принимает гостей в такой-то день. Приходили все, кто не мог придумать достаточно веской причины для отсутствия. Они проводили два часа, обсуждая семейные сплетни, перемежаемые насмешками и злобными улыбками тети Бекки, чашкой чаю, сэндвичами и несколькими ломтиками торта. Затем расходились по домам зализывать раны.

«Это хорошо, – сказал дядя Пиппин, – а то клан что-то заскучал. В последнее время не происходит ничего примечательного».

«Будет вполне примечательно, – ответила тетя Бекки. – Я собираюсь сообщить кое-что – но не все – о том, кто получит старый кувшин после моего ухода».

«Ого!»

Дядя Пиппин был заинтригован. Но все же не забыл о ма-
нерах.

«Зачем же так беспокоиться? Ты переживешь век».

«Нет, не переживу, – ответила тетя Бекки. – Утром Роджер сказал Камилле, что я не переживу и этого года. Он не сообщил мне, самому заинтересованному человеку, но я вытянула все из Камиллы».

Дядю Пиппина потрясло это известие, и он на какое-то время замолчал. Уже три дня в его ушах стоял похоронный звон, но он не связывал его с тетей Бекки. Вряд ли кто-то мог подумать, что тетя Бекки умирает. Смерть, как и жизнь, казалось, забыли о ней. Он не знал, что сказать.

«Врачи часто ошибаются», – наконец промямлил он.

«Но не Роджер, – мрачно заметила тетя Бекки. – Полагаю, я должна умереть. Кстати, возможно, я уже мертва. Никто не беспокоится обо мне».

«Почему ты так говоришь, Бекки? – спросила Камилла предательски задрожавшим голосом. – Разве я не беспокоюсь?»

«Нет... на самом деле, нет. Ты слишком стара. Мы обе слишком стары, чтобы искренне беспокоиться о ком-то или о чем-то. Ты прекрасно знаешь, что думаешь про себя: “Когда она умрет, я смогу пить крепкий чай”. Нет смысла подмигивать правде или прикрывать ее сантиментами. Я пережила всех своих друзей».

«Ну... ну, а как насчет меня?» – запротестовал дядя Пиппин.

Тетя Бекки повернула к нему седую старушечью голову.

«Ты! – почти высокомерно объявила она. – А ты-то при чем? Тебе же только шестьдесят пять. Я была замужем еще до твоего рождения. Ты лишь знакомый, если на то пошло. И едва ли родственник. Ты всего лишь усыновленный Пенхаллоу, насколько я помню. Твоя мать всегда клялась, что ты – сын Неда Пенхаллоу, но, признаюсь, кое-кто в этом сомневается. Во времена приливов случаются забавные вещи, Пиппин».

«Не слишком вежливо», – отметил дядя Пиппин. Но решил, что не стоит опротестовывать степень своей дружбы с тетей Бекки.

«Камилла, – протрещала тетя Бекки. – Умоляю, прекрати плакать. Мне больно видеть это. Мне пришлось избавиться от Амброзин, потому что я больше не могла выносить ее хныканья. Амброзин плакала надо всем – и над смертью, и над испорченным пудингом. Извинительно одно – это было единственным развлечением в ее жизни. Я готова умереть. Я

испытала почти все, что могла, испила свою чашу до дна. Но я хочу умереть благочинно и правильно. Я собираюсь устроить большой прием. Дата будет объявлена в газете. Но если вы хотите поесть, то придется принести все с собой. Я не намерена утруждать себя такими мелочами на своем смертном одре».

Дядя Пиппин был искренне разочарован. Он жил один, и пособие вдовца, случайные закуски и ланчи в домах друзей много значили для него. А теперь тетя Бекки собирается пригласить к себе гостей и не предложить им закусок. Это выглядело как-то негостеприимно. Все будут возмущены, но придут. Дядя Пиппин знал своих Дарков и своих Пенхаллоу. Все до последнего жаждали знать, кому достанется старый кувшин. Каждый считал, что он или она должны получить его. Дарки всегда возмущались тем, что он принадлежит тете Бекки. Она была лишь Пенхаллоу. Кувшин же должен быть собственностью урожденного Дарка. Но старый Теодор Дарк нарочно оставил его по завещанию горячо любимой жене, и ничего тут не попишешь. Кувшин принадлежал ей, и она могла делать с ним все, что угодно. А за восемьдесят пять лет никто так и не сумел предсказать, как поступит тетя Бекки в том или ином случае.

Дядя Пиппин вскарабкался на то, что называл «двуколкой», и поехал прочь, погоняя смирную белую лошадку по узкой, неспешной, красной проселочной дороге, что вела от Индейского Ключа к Серебряной Бухте. На его маленьком

морщинистом, странно похожем на высохшее яблоко лице играла довольная усмешка, а удивительно молодые живые голубые глаза сверкали. Будет забавно понаблюдать за плясками клана вокруг кувшина.

Полноценное непредвзятое удовольствие для того, кто не был в нем жизненно заинтересован. Дядя Пиппин знал, что у него нет никаких шансов получить кувшин. Он был, в лучшем случае, лишь четвертым кузеном, даже допуская то сомнительное происхождение, над которым насмехалась тетя Бекки. «У меня есть предчувствие, что старая леди собирается что-то устроить», – сказал дядя Пиппин своей белой кляче.

Невзирая на тот факт, что никаких закусок подано не было, присутствовали все Дарки и все Пенхаллоу, по рождению, браку или усыновлению, кто сумел добраться до «приема» тети Бекки. Даже старая ревматическая Кристин Дарк, которая никуда не выходила годами, заставила своего зятя привезти ее на молочной повозке через лес, что находился за Соснами. Раздвижные двери между комнатами тети Бекки были раскрыты настежь, в гостиной расставлены стулья, а сама она, с горящими, как у кошки, глазами, принимала гостей, восседая на большой орехового дерева старой кровати под балдахином, завешанным пожелтевшим кружевом. Тетя Бекки спала на этой кровати со времен своего замужества и собиралась умереть на ней. Несколько женщин из племени уже положили глаз на эту кровать, и каждая надеялась заполучить ее, но сейчас все думали только о кувшине.

Тетя Бекки отказалась наряжаться ради гостей. Она сказала Камилле, что не намерена утруждать себя, они этого недостойны. Поэтому она с царственным видом приняла их в старом выцветшем красном свитере, ворот которого плотно обтягивал сморщенную шею; седые волосы были закручены в тугий узел, венчающий голову. Но она надела свой бриллиантовый перстень и заставила страдальицу Амброзин нанести ей немного румян на щеки.

«Это более чем неприлично в вашем возрасте», – запротестовала та.

«Приличия – чушь собачья, – ответила тетя Бекки. – Я давным-давно распрощалась с ними. Делай, как приказано, Амброзин Уинворт, и будешь вознаграждена. Не желаю, чтобы дядя Пиппин заявил: «У старушки *когда-то* был неплохой цвет лица». Нанеси аккуратно и ровно, Амброзин. Никто из них не посмеет смеяться, как бы им хотелось, увидь они меня иссохшей и изможденной. Ей-богу, Амброзин, не могу дождаться этого дня. Он станет последней радостью, которой я смогу насладиться на этой стороне вечности, и я намерена упиться ею сполна. Все эти гарпии явятся сюда, чтобы выяснить, смогут ли они что-нибудь заполучить. А я заставлю их покорчиться».

Дарки и Пенхаллоу знали это очень хорошо, и каждый вновь прибывший приближался к ореховой кровати с тайной горестной уверенностью, что тетя Бекки задаст какой-нибудь особо ужасный вопрос, вдруг пришедший ей в голову. Дядя Пиппин приехал пораньше, имея в запасе несколько пачек любимой жевательной резинки, и выбрал место у дверей – выгодное положение, откуда он мог всех видеть и слышать все, что скажет тетя Бекки. Это был его куш.

«Ага, вот явился муж, что сжег свою жену», – заявила тетя Бекки Стэнтону Гранди, долговязому худощавому мужчине с саркастической улыбкой, он был изгоем – давным-давно женился на Робине Дарк, которую кремировал после смер-

ти. Клан так и не простил ему этого, но Стэнтону Гранди было все равно, он лишь натянуто улыбнулся, посчитав выпад неудачной остротой.

«Вся эта суматоха вокруг кувшина не стоит и пары долларов», – презрительно заметил он, усаживаясь рядом с дядей Пиппином.

Дядя Пиппин перекинул жвачку за другую щеку и тотчас с легкостью соврал во имя клана.

«Четыре года назад один коллекционер предложил за него тете Бекки сотню долларов», – с чувством сказал он.

Стэнтон Гранди *был* весьма впечатлен и, чтобы скрыть это, заявил, что *он* не дал бы и десяти.

«Тогда зачем ты здесь?» – спросил дядя Пиппин.

«Чтобы развлечься, – холодно ответил мистер Гранди. – Из-за этого кувшина все перегрызутся».

Дядя Пиппин от возмущения чуть не проглотил жвачку. Какое право имеет изгой, которого еще и подозревали в том, что он является сведенборгианистом¹, что бы это ни значило, насмеяться над причудами Дарков или странностями Пенхаллоу? Он, Пиппин Пенхаллоу, крещенный Александром, имел на это право. Он состоял в клане, пусть и наперекосьяк. Но то, что Гранди, произошедший невесть откуда, явился с той же целью, разозлило дядю Пиппина. Однако он не успел выразить свое возмущение, потому что появление следую-

¹ Сведенборгианизм – теософское учение Эммануила Сведенборга (1685–1772), выдающегося шведского ученого-энциклопедиста.

щей гостью временно отвлекло его от наглого Гранди.

«Не завела ли еще детей на Королевской трассе?» – спрашивала тетя Бекки бедняжку миссис Пол Дарк, которая родила сына, выпустив его в сей суровый мир прямо в кабине «форда» по пути в больницу. Дядя Пиппин озвучил единое чувство клана по этому поводу, сказав мрачно: «Повсюду царит бесхозяйственность».

Смешок прошелестел по комнате, пока миссис Пол с пылающим лицом добиралась до стула. Но интерес тотчас же переметнулся на Мюррея Дарка, красивого мужчину среднего возраста, что пожимал руку тете Бекки.

«Так, так, пришел взглянуть на Тору, а? Она вон там, за Пиппином и этим Гранди».

Мюррей Дарк пробрался к стулу, сетуя, что принадлежность к подобному клану превращает жизнь в собачью. Разумеется, он пришел, чтобы увидеть Тору. Все знали об этом, включая и саму Тору. Мюррею было наплевать на кувшин Дарков, но он никак не мог упустить шанс взглянуть на нее. Не слишком много таких шансов у него имелось. Он был влюблен в Тору с того воскресенья, когда впервые увидел ее в церкви невестой Кристофера Дарка, пьяницы и неудачника Криса Дарка, обладающего коварным очарованием, против которого не могла устоять ни одна девица. Весь клан знал об этом, но ни разу не случилось никакого скандала. Мюррей просто ждал, когда Крис очочурится. Тогда он женится на Торе. Он был разумным, состоятельным фермером и

имел бездну терпения. Со временем он утолит свою сердечную страсть, хотя, иногда, с некоторым беспокойством гадал, как долго этот чертов Крис *намерен* упорствовать. Дарки обладали слишком крепким здоровьем. Ведя образ жизни, который лет за пять убил бы всякого обычного человека, они могли процветать все двадцать. Крис умирал медленной смертью уже десять лет и еще бог весть сколько собирался это продолжать.

«Тебе следует пользоваться лосьоном для волос», – сказала тетя Бекки Уильяму И. Пенхаллоу, который, еще будучи ребенком, выглядел слишком серьезным – никто никогда не звал его Билли. Он возненавидел тетю Бекки с тех пор, как она первой сообщила ему, что он лысеет.

«Моя дорогая, – в сторону миссис Перси Дарк, – какая жалость, что ты так мало заботишься о цвете лица. У тебя была прекрасная кожа, когда ты приехала в Индейский Ключ. И ты здесь?» – вопрос к миссис Джим Трент, урожденной Хелен Дарк.

«Разумеется, я здесь, – ответила миссис Джим. – Неужели я настолько прозрачна, что в этом есть сомнения?»

«Ты давно забыла о моем существовании, – сухо сказала тетя Бекки. – Но кувшин намного выгоднее, чем кошка».

«О, *мне* вовсе не нужен ваш кувшин», – соврала миссис Джим.

Все знали, что она лжет. Нужно быть полной дурой, чтобы лгать тете Бекки, которую еще ни разу не удавалось прове-

сти. Но миссис Джим Трент жила в Трех Холмах, а все живущие там, как считалось, имели мало здравого смысла.

«Еще не закончил свою историю, Миллер?» – спросила тетя Бекки.

Старый Миллер Дарк выглядел глупцом. Много лет он твердил о том, что пишет историю клана, но так и не начал ее. Такие дела не делаются в спешке. Чем дольше он ждет, тем длиннее будет история. Это женщины вечно куда-то спешат. Он с облегчением уступил место Палмеру Дарку, который был известен как человек, гордящийся своей женой.

«Выглядит так же молодо, а?» – весело спросил он у тети Бекки.

«Да, если есть какая-то польза выглядеть молодо, когда на самом деле ты не молода, – признала тетя Бекки, добавив мимоходом: – Подозреваю, вдовий горб-то уже наметился. Давно не видела тебя, Палмер. Но ты все такой же, только чуть пополнел. Так, так, здесь и миссис Дензил Пенхаллоу. Прекрасна и изящна. Слышала, что фруктовая диета полезна. Мне сказали, ты съела все фрукты, что присылали для Дензила, когда он болел прошлой зимой».

«Ну и что в этом такого? *Он* не мог их есть. Выкидывать было, что ли?» – ответила миссис Дензил. Кувшин кувшином, но она не намерена терпеть унижения от тети Бекки.

Две вдовы пришли вместе – миссис Тойнби Дарк, у которой после смерти третьего и последнего мужа всегда имелась наготове скорбь, и Вирджиния Пауэлл, чей муж умер восемь

лет назад, а она до сих пор была молода и вполне хороша собой, но все еще носила траур, и все знали, что она поклялась никогда больше не выходить замуж. Правда, как заметил дядя Пиппин, о претендентах пока никто не слышал.

Тетя Бекки приветствовала миссис Тойнби весьма официально. Миссис Тойнби была знаменита своими истериками, которые устраивала, если к ней относились пренебрежительно или оскорбительно, а тетя Бекки не собиралась позволить кому бы то ни было узурпировать внимание публики на своем последнем приеме. Но она уколола бедняжку Вирджинию:

«Твое сердце еще не откопали?»

Однажды Вирджиния сентиментально заявила: «Мое сердце погребено на кладбище Розовой Реки», и тетя Бекки никогда не упускала случая напомнить ей об этом.

«Тот джем еще не съели?» – лукаво спросила тетя Бекки у миссис Титус Дарк, которая однажды сварила варенье из голубики, собранной на кладбище. Адвокат Том Пенхаллоу, обвиненный в присвоении денег своих клиентов, был менее опозорен в глазах клана. Миссис Титус всегда считала, что такое отношение несправедливо. В тот год урожай фруктов выдался скудным, – попробуй накорми пятерых мужчин в семье, которые не любят масло – а крупная сочная голубика пропадала в дальнем заброшенном углу кладбища Серебряной Бухты, где было совсем мало могил.

«Как поживает твое прозвище?» – спросила тетя Бекки у

Эмили Фрост.

Кеннеди Пенхаллоу, шестьдесят пять лет назад отвергнутый своей кузиной Эмили, назвал в ее честь старую изувеченную кобылу, дабы унижить гордячку. Кеннеди, счастливо женатый долгие годы на Джулии Дарк, уже и не помнил об этом, но Эмили Фрост, урожденная Пенхаллоу, не забыла и не простила.

«Здравствуй, Маргарет, не напишешь ли стишок обо все этом? *Утомленный изнуренный и печальный мимо поезд прогремел*», – тетя Бекки закудаhtала смехом, а Маргарет Пенхаллоу, тонкое чувствительное лицо которой вспыхнуло, а большие, мягкие серо-голубые глаза наполнились слезами, вслепую пробралась на свободное место. Когда-то она написала довольно ужасные стихи для газеты Саммерсайда – в первый и последний раз.

Бессовестный печатник удалил все знаки препинания, создав эту жуткую строфу, что навсегда осталась в истории клана, как привидение, от которого невозможно избавиться. Эта строфа, цитируемая со смешками или хохотом, вечно преследовала Маргарет. Даже здесь, у скорбного ложа тети Бекки, на ее последнем приеме, она была извлечена на свет. Возможно, Маргарет до сих пор писала стихи. Маленькая шкатулка в ее сундуке, вероятно, что-то знала об этом. Но не публичная пресса – во многом благодаря клану.

«Что с тобой случилось, Пенни? Ты выглядишь хуже, чем обычно».

«Пчела ужалила в глаз», – мрачно сообщил Пенникьюик Дарк.

Он был толст и коротконог, с кудрявой седой бородой и не слишком густыми кудрявыми волосами. Как всегда, выглядел ухоженным, словно кот. Он все еще считал себя веселым молодым остряком, и лишь этот кувшин мог стать причиной его публичного появления в таких обстоятельствах. Как и то, что эта чертова старуха желала привлечь к его глазу внимание всего мира. Но он был ее старшим племянником и имел право на кувшин, которое он намерен отстоять, глаз или не глаз. Он всегда считал, что его семейная ветвь несправедливо обойдена два поколения назад. Раздраженный и возбужденный, он уселся на первый попавшийся на глаза свободный стул и в смятении обнаружил, что сидит рядом с миссис Уильям И, которую весьма опасался, после того как она спросила его, что делать с ребенком, у которого завелись глисты. Как будто он, Пенникьюик Дарк, убежденный холостяк, мог что-то знать о детях или глистах.

«Иди и сядь в тот дальний угол возле дверей, я не могу выносить этот чертов запах. Даже такое старое ничтожество, как я, имеет право на чистый воздух», – сказала тетя Бекки бедной миссис Артемас Дарк – аромат ее духов всегда раздражал тетю Бекки. Миссис Артемас *пользовалась* ими слишком обильно, но все же, как отметило семейство, тетя Бекки довольно грубо обошлась с нею, тем более, лежа на своем смертном одре. Конечно, Дарки и Пенхаллоу горди-

лись тем, что шли в ногу со временем, но не настолько, чтобы потакать грубости по отношению к женщине. *На этом* все еще стояло табу. Шутка же заключалась в том, что тетя Бекки сама не одобряла сквернословие и, как полагали, особо неприязненно относилась к двум членам семейства, которые имели привычку ругаться – к Титусу Дарку, потому что он не мог удержаться от этого, и к Утопленнику Джону Пенхаллоу, который мог удержаться, но не хотел.

Прибытие миссис Альфеус Пенхаллоу с дочерью стало сенсацией. Миссис Альфеус жила в Сент-Джоне и случилось так, что, когда тетя Бекки объявила о приеме, посетила свой старый дом в Розовой Реке. Она была непомерно толста и не слишком любима тетей Бекки, имела прискорбное пристрастие к ярким расцветкам и дорогим материям, хотя в молодости отличалась стройностью и красотой. Миссис Альфеус ожидала, что тетя Бекки встретит ее не очень-то приветливо и готовилась принять это с улыбкой, поскольку страстно желала заполучить кувшин и ореховую кровать в придачу, если фортуна окажется благосклонной. Но тетя Бекки, хоть и отметила про себя, что платье Аннабель Пенхаллоу куда лучше, чем то, на что оно надето, встретила ее весьма снисходительно:

«Хм, гладкая, как кошачье ухо, как всегда», – и обратила все внимание на Нэн Пенхаллоу, которая, едва появившись в Розовой Реке, стала главной мишенью сплетен клана. Затаив дыхание, перешептывались, что она носит пижа-

мы и курит сигареты. Более того, было известно, что она выщипывает брови и носит бриджи, когда водит машину или ходит на прогулки. Но даже обитатели Розовой Реки смирились с этим. Тетя Бекки узрела змеевидное узкобедрое существо, подстриженное в стиле боб, в длинных варварских серьгах. Изысканное шелковое создание в шикарном черном атласном платье, которое тотчас превратило всех присутствующих женщин в старомодных викторианок. Но тетя Бекки сымпровизировала, не упустив своего.

«А вот и Ханна», – заметила она, инстинктивно уколос Нэн в чувствительную точку. Нэн предпочла бы пощечину имени Ханна.

«Так-так-так», – “таки” тети Бекки звучали как крещендо презрения, смешанного с жалостью.

«Я понимаю, что ты считаешь себя современной. И в мое время были девушки, которые бегали за парнями. Изменились лишь имена. Твой рот выглядит так, словно ты напилась крови на завтрак, дорогуша. Но взгляни, что время делает с нами. Когда тебе будет сорок, ты будешь точно такой», – жест в сторону тучной миссис Альфеус.

Нэн не могла позволить, чтобы старомодная карга одержала над нею верх. Кроме того, она страстно желала кувшин.

«О, нет, что вы, тетя Бекки, милая. Я пошла в отца. В его родне все стройные, вы же знаете».

Тетя Бекки не пожелала быть «милой».

«Иди наверх и смой эту дрянь с губ и щек, – сказала она. –

Мне здесь не нужны раскрашенные пустышки».

«А разве вы сами не в румянах?», – воскликнула Нэн, несмотря на то, что мать жалобно толкнула ее локтем.

«А кто ты такая, чтобы мне указывать? – возмутилась теть Бекки. – А теперь – нечего стоять тут, вертя передо мной хвостом. Иди и делай, что тебе сказано, или отправляйся домой».

Нэн подумала о последнем. Но миссис Альфеус страстно прошептала ей в шею:

«Иди, дорогая, иди и сделай все, что она сказала, или... или...»

«Или у тебя не будет шансов получить кувшин», – хихикнула тетя Бекки, которая в свои восемьдесят пять сохранила такой слух, что могла услышать, как растет трава.

Нэн пошла с обиженно-надменным видом, готовая свести с кем-нибудь счеты за унижение сварливой старой деспотшей. Как раз в этот момент в комнату вошла Гей Пенхаллоу, в желтом платье, сотканном, казалось, из солнечного света, отчего у Нэн возникла мысль заполучить Ноэля Гибсона. Слишком несправедливо, что именно Гей стала свидетелем ее конфуза.

«Зеленоглазые девушки вносят смуту», – заметил дядя Пиппин.

«Думаю, что она – пожиратель мужчин», – согласился Стэнтон Гранди.

Гей Пенхаллоу, изящная цветущая девушка, которую

лишь семейная библия знала, как Габриэль Александрину, пожала руку тете Бекки, но не наклонилась, чтобы поцеловать ее, как та ожидала.

«Эй, эй, что случилось? – возмутилась тетя Бекки. – Тебя поцеловал какой-то мальчик? И ты не хочешь испортить его аромат, а?»

Гей ускользнула в уголок и села. Это было правдой. Но как тетя Бекки узнала? Ноэль *поцеловал* ее вчера вечером – первый поцелуй за все ее восемнадцать лет – Нэн осмеяла бы ее *за такое!* Прелестный мимолетный поцелуй под золотой июньской луной. Гей чувствовала, что *не* может никого целовать после *этого*, особенно ужасную старую тетю Бекки. Какая разница, что произойдет с ее старым кувшином? Какое значение имел весь этот огромный прекрасный мир в сравнении с тем, что Ноэль любит ее, а она любит его?

Но с появлением Гей что-то вошло в людную комнату – что-то подобное внезапному быстрому ветерку в душный день, что-то неопишимо прелестное и неуловимое, как аромат лесного цветка, что-то от юности, любви и надежды. Все вдруг необъяснимо почувствовали себя счастливее, щедрее, отважнее. Вытянутое лицо Стэнтон Гранди, казалось, стало менее угрюмым, а дядя Пиппин вдруг подумал, что Гранди, как ни говори, вне всяких сомнений когда-то женился на одной из Дарков и поэтому имеет право находиться здесь. Миллер Дарк решил, что все-таки начнет писать свою историю на следующей неделе, Маргарет вдохновилась на новое

стихотворение, Пенни Дарк отметил, что ему только пятьдесят два, а Уильям И. забыл, что у него есть лысина. Кертис Дарк, имевший репутацию неизлечимо дурного мужа, подумал, что новая шляпка очень идет его жене, и стоит сказать ей об этом по пути домой. Даже тетя Бекки стала чуть менее бесчеловечной и – хоть у нее имелось еще несколько зарядов в патронташе, и ее угнетала мысль, что она упускает удовольствие выстрелить ими – позволила остальным гостям сесть на свои места, не будучи униженными или уколотыми, разве что спросила старого кузена Скилли Пенхаллоу, как поживает его брат Ангус. Все собрание рассмеялось, а кузен Скилли улыбнулся. Тетя Бекки не смогла уколоть его. Он знал, что весь клан цитирует его перевертыши, а этот, касающийся его брата Ангуса, уже тридцать лет как покойного, всегда вызывал смех. В то ветреное утро, много лет назад, когда мельничная плотина Ангуса Пенхаллоу была снесена мартовским наводнением, к взволнованному Скилли пришел священник, и тот встретил его словами.

«Сегодня мы все расстроены, мистер Макферсон... будьте любезны простить нас... моего чертового братца Ангуса смыло ночью».

«Итак, думаю, наконец-то все собрались, – сказала тетя Бекки, – по крайней мере, все, кого я ждала, и те, кого не ждала. Не вижу Питера Пенхаллоу и Лунного Человека, но, полагаю, от них вряд ли можно ожидать разумных поступков».

«Питер здесь, – запротестовала его сестра Нэнси Дарк. – Он на веранде. Вы же знаете, Питер ненавидит сидеть в битком набитых комнатах. Он привык к... к...»

«Огромным пространствам мира Божьего», – пробормотала тетя Бекки.

«Да, это так... это то, что я имела в виду... что я хотела сказать. Питер так же беспокоится о вас, как любой из нас, дорогая тетя».

«Осмелюсь заметить, что это многое значит. Или о кувшине».

«Нет, Питер совсем не думает о кувшине», – сказала Нэнси Дарк, радуясь, что наконец-то нашла твердую почву под ногами.

«Лунный Человек тоже здесь, – добавил Уильям И. – Я вижу его, сидящего на ступенях веранды. Его не было несколько недель, но сегодня он вернулся. Удивительно, как ему всегда удается пронюхать, что где происходит».

«Он вернулся вчера вечером. Я слышал, как он ночью выл на луну из своей лачуги, – пророкотал Утопленник Джон. – Его следует запереть. Позор для всей семьи, как он живет, болтаясь босиком и в лохмотьях по всему острову, словно у него нет никого, кто бы мог позаботиться о нем. Мне плевать, что он недостаточно сумасшедший для бедлама. Следует принять какие-то меры».

Тетя Бекки вернула снаряж.

«Как и к большинству из вас. Оставьте Освальда Дарка в

покое. Он совершенно счастлив в лунные ночи, а признайтесь-ка, кто из нас может сказать то же самое о себе. Если мы бываем пару часов счастливы под луной, это большее, что боги могут сделать для нас. Освальду повезло. Амброзин, вот ключ от моего медного сундука. Поднимись на мансарду и принеси кувшин Гарриет Дарк».

3

Пока Амброзин Уинкворт ходит за кувшином, а семейное собрание молчит, возбужденно погружившись в ожидание, давайте посмотрим на них внимательней, отчасти глазами тети Бекки, а отчасти своими собственными, и получше познакомимся с ними, особенно с теми, на чьи жизни кувшин так или иначе оказал влияние и изменил их.

Здесь собрались очень разные люди, каждый со своей семейной и личной тайной, с публичной жизнью, о которой известно почти все; с внутренней, о которой неизвестно ничего, даже тощей, поджарой Мерси Пенхаллоу, чьи худоба и поджарость приписывались ее хроническому любопытству касательно всех и каждого – оно не давало ей покоя ни днем ни ночью. Большинство из них казалось скучными уравновешенными людьми, и таковыми они и являлись, но у некоторых случались в жизни яркие приключения. Некоторые были очень красивы, другие – забавны, некоторые – умны, другие – посредственны, одни из них – счастливы, другие – нет, одних любили все, других – никто. Одни достигли всего, чего хотели, и им нечего было более ждать от жизни, другие все еще искали приключений и хотели осуществления давних взлелеянных, неудовлетворенных тайных желаний.

Например, Маргарет Пенхаллоу, мечтательная, поэтичная Маргарет Пенхаллоу, которая была семейной портнихой

и жила у своего брата, Дензила Пенхаллоу, в Серебряной Бухте. Ее всегда загружали работой, относились с пренебрежением и помыкали. Она провела жизнь, создавая красивую одежду для других, а сама никогда не имела таковой. Но она как художник гордилась своими творениями и, когда симпатичная девушка врывалась в церковь в платье ее работы, изнуренная душа Маргарет расцветала, преображаясь. И *она*, отчасти, сотворила эту красоту. Частица этой красоты принадлежала *ей*, «старой Маргарет Пенхаллоу».

Маргарет преклонялась перед красотой, которой было слишком мало в ее жизни. Сама она не была красива, если не считать огромных, удивительно сияющих глаз и изящных рук – прекрасных рук, словно со старинного портрета. В ней была некая привлекательность, независимая от возраста и не покинувшая ее с годами. Стэнтон Гранди, глядя на нее, подумал, что она самая изысканная женщина своего возраста из всех присутствующих и что, если бы он искал себе вторую жену – какую он, к счастью, не искал – то выбрал бы ее. Маргарет была бы немного взволнована, знай она, что его мысли заходят так далеко. Правда состояла в том, что Маргарет скорее бы умерла любой ужасной смертью, какую можно было придумать, чем созналась бы, что хочет выйти замуж. Если вы замужем, вы что-то значите. Если нет – вы никто. Во всяком случае, в клане Дарков и Пенхаллоу.

Она мечтала о собственном красивом домике и хотела усыновить ребенка. Она ясно представляла какого ребенка

– с золотистыми волосами и большими голубыми глазами, ямочками, складочками и чудесными пухлыми коленками. И сладкими поцелуями на ночь. Маргарет вся таяла от мыслей о нем. Ее не занимала орава юных демонов, которых Дензил именовал семьей. Это были наглые и неприятные дети, издевавшиеся над нею. Вся ее любовь сконцентрировалась на воображаемом ребенке и маленьком домике – хотя, последний, по правде говоря, был менее воображаем, чем ребенок. У нее не было надежды иметь свой собственный дом, но, если бы она вышла замуж, то, наверное, смогла бы усыновить дитя.

А еще Маргарет мечтала получить кувшин Дарков. Она хотела этого ради далекой незнакомой Гарриет Дарк, к которой всегда питала странное чувство – зависть, смешанную с жалостью. Гарриет Дарк была любима, чему кувшин являлся зримым и осязаемым доказательством, пережив эту любовь на сотню лет. Что, если бы и ее возлюбленный утонул! По крайней мере, у нее *был бы* возлюбленный.

Кроме того, кувшин придал бы ей самой некую значимость. Она никогда ничего не значила. Она была просто «старой Маргарет Пенхаллоу», позади которой пятьдесят лет скуки и унижений и ничего, кроме скуки и унижений, впереди. Почему бы ей не претендовать на кувшин? Пусть она и Пенхаллоу, но ее мать была Дарк. Конечно, тетя Бекки не любит ее, но разве она кого-то любит? Маргарет думала, что должна получить этот кувшин, должна его иметь.

Она вдруг почувствовала ненависть ко всем соискателям, присутствующим в комнате. Если ей достанется кувшин, она сможет убедить миссис Дензил выделить ей комнату в обмен на разрешение поставить кувшин на каминную полку в гостиной. Своя комната! Это звучало заоблачно. У нее никогда не будет своего собственного домика мечты и голубоглазого золотоволосого дитя, но она могла бы иметь свою комнату – комнату, куда не войдут Глэдис Пенхаллоу и ее визгливые подружки, девицы, считающие, что основное удовольствие от наличия ухажера – рассказывать всему свету о том, что он сделал или сказал; девицы, из-за которых она чувствовала себя старой, глупой и одинокой. Маргарет вздохнула и взглянула на букет лиловых и желтых ирисов, что принесла миссис Уильям И. для тети Бекки, никогда не любившей цветы. Если их тонкая экзотичная красота ничего не значила для тети Бекки, она не была потеряна для Маргарет. Она была счастлива, пока смотрела на них. В саду «ее» дома лиловые ирисы цвели свободно и повсюду.

Гей Пенхаллоу сидела возле Маргарет и совсем не думала о кувшине. Ей не нужен был этот кувшин, хотя ее мать с ума сходила по нему. Весна пела в ее крови, она заблудилась в чудесном воспоминании о поцелуе Ноэля и столь же чудесном предвкушении чтения его письма, которое получила на почте по пути сюда. Слыша, как оно шуршит, спрятанное в потайном месте, она чувствовала радостное возбуждение – тот же трепет охватил ее, когда старая миссис Конрой отдала ей это восхитительное письмо, кощунственно засунутое между каталогом заказов и модным рекламным проспектом. Она и не мечтала получить от него послание, ведь они виделись только вчера вечером, и Ноэль поцеловал ее. Сейчас письмо было спрятано под платьем, касаясь ее белой атласной кожи, и она хотела лишь одного: чтобы этот дурацкий старческий прием закончился, и можно было бы остаться в одиночестве и прочесть его. Который час? Гей взглянула на помпезные старые часы тети Бекки, которые уже оттикали дни и часы четырем поколениям, а теперь столь же безжалостно тикали пятому. Три! В половине четвертого она должна подумать о Ноэле. Какой милый, восхитительный и глупый договор – как будто она постоянно не думала о нем. А теперь можно думать еще и о поцелуе – поцелуе, который, казалось, каждый видел на ее губах. Она вспоминала о нем

всю ночь, первую ночь в своей жизни, когда ей не спалось от радости. Ах, как она счастлива! Так счастлива, что любит всех, даже тех, кто ей прежде не нравился. Помпезного старого Уильяма И., чье мнение о себе превосходило все приемлемые границы, тощую любопытную сплетницу Мерси Пенхаллоу, трагичную Вирджинию Пауэлл с ее утомленными позами, Утопленника Джона, забранившего двух жен до смерти, Стэнтона Гранди, кремировавшего бедную кухню Робину – он поглядывал вокруг так, словно что-то тайно забавляло его. Разве может нравиться человек, который посмеивается над всеми? Аккуратиста Пенни Дарка, считающего, что весьма остроумно называть яйца гусиными ягодами, дядю Пиппина, вечно что-то жующего своими древними челюстями, а больше всех – бедную тетю Бекки. Тетя Бекки скоро умрет, и никому ее совсем не жаль. Гей очень огорчилась, что не огорчается из-за этого, и слезы подступили к ее глазам. Ведь тетю Бекки когда-то любили, ухаживали и целовали, хотя сейчас это казалось нелепым и невероятным. Гей смотрела на одинокую старую каргу, удивляясь, что когда-то та была молодой, красивой и матерью маленьких детей. Разве это морщинистое лицо *могло* быть похожим на цветок? И разве она, Гей, когда-нибудь станет такой? Нет, разумеется, нет. Та, кого любит Ноэль, никогда не будет старой и нелюбимой.

Она видела себя в овальном зеркале, что висело на стене над головой Стэнтона Гранди, и была вполне удовлетво-

рена своим отражением. Кожа оттенка чайной розы, золотисто-каштановые волосы и глаза в тон – глаза, словно коричневые лепестки календулы с золотистыми крапинками. Длинные черные ресницы и брови, будто нарисованные сажей – так четко они темнели на ее лице. Аппетитные родинки – то тут, то там, золотистые капельки, следы выживших веснушек, что в детстве измучили ее. Гей очень хорошо знала, что считается самой красивой в клане – «самая симпатичная девушка из всех, идущих по проходу церкви в Розовой Реке», – галантно провозглашал дядя Пиппин. К тому же она всегда казалась робкой и слегка испуганной, что побуждало мужчин к стремлению заверить ее, что бояться нечего, поэтому поклонников у нее было предостаточно. Но ни один из них не значил для Гей ничего, кроме Ноэля. Каждая тропинка в ее мыслях тянулась к Ноэлю. Четверть четвертого. Еще пятнадцать минут и она будет уверена, что он думает о ней.

Счастье Гей было слегка подпорчено одним или двумя темными пятнышками. Во-первых, она знала, что Пенхаллоу не одобряют Ноэля Гибсона. Дарки отличались большей терпимостью, и, кроме того, мать Ноэля была Дарк, хоть и очень дальняя. Гибсоны считались стоящими на одну-две ступени ниже, чем Пенхаллоу. Гей хорошо знала, что клан хочет выдать ее замуж за доктора Роджера Пенхаллоу. Она любезно взглянула на него, сидящего здесь, в комнате. Добрый старина Роджер с непослушной рыжей шевелюрой, мягким ис-

крящимся взглядом из-под прямых густых бровей, забавной ухмылкой в левом уголке длинного изогнутого рта. Ему было почти тридцать. Ей очень нравился Роджер. В нем был какой-то особый привкус. Она никогда не забудет, что он сделал для нее во время ее первого бала. Она была очень застенчива, неуклюжа и некрасива – или убедила себя в этом. Никто не приглашал ее, пока не подошел Роджер и не вывел торжественно на танец, а потом одарил столь милыми комплиментами, что она расцвела красотой и уверенностью, и все парни очнулись, а прекрасный Ноэль Гибсон из города обратил на нее внимание. О, она обожала Роджера и гордилась им. Четвертый кузен, который был на войне известным асом – Гей смутно помнила, что он подбил пятьдесят вражеских самолетов. Но мысль о том, что он мог стать ее мужем, вызывала у нее только смех. И более того, откуда они взяли, что он хочет жениться на ней? *Он* никогда даже не упоминал об этом. Это всего лишь одна из причудливых идей, что время от времени посещали клан, странным образом превращаясь в отвратительное убеждение. Гей надеялась, что такого не случится. Ей совсем не хотелось обижать Роджера. Она была так счастлива, что мысль о том, чтобы причинить кому-то боль, казалась ей невыносимой.

Вторым маленьким пятном была Нэн Пенхаллоу. Гей никогда особо не восторгалась ею, хотя они знали друг друга с детства, когда Нэн приезжала с родителями на остров в летние каникулы. Гей навсегда запомнила день, когда они с Нэн

познакомились. Им обоим было по десять лет, и Нэн, которая уже тогда считала себя красоткой, подтащила Гей к зеркалу и бессердечно указала на контраст. Гей никогда прежде не задумывалась о своей внешности, но в тот момент увидела, что фатально некрасива. Тощая, загорелая и тусклая, уйма веснушек, волосы, выцветшие на солнце Розовой Реки; смешные черные яркие брови, словно пылающие на лице – как Нэн издевалась над этими бровями! Гей годами была несчастлива, уверовав в невыразительность своей внешности. Потребовалось немало комплиментов, чтобы убедить ее, что она выросла красавицей. Прошедшие с тех пор годы не заставили ее полюбить Нэн больше. Нэн с ее тонким загадочным лицом, пепельными волосами, странными влажными зелеными глазами, тонкими алыми губами и вполонину не была так хороша, как Гей, но обладала причудливым экзотическим очарованием, неведомым в Розовой Реке. А ныне она покровительствовала Гей: «Ты по-детски чудачлива», «Ты слишком викторианка». Гей не желала быть ни чудачкой, ни викторианкой. Она хотела быть элегантной, современной и изысканной, как Нэн. Хотя и не в точности, как Нэн. Она не хотела курить. Это напоминало ей ужасную старую миссис Фидель Блекуайр, что жила в гавани, и усатую Хайленд Дженет из Трех Холмов, которые, как мужчины, всегда курили большие черные трубки. Более того, Гей не нравились курящие девушки. Она их вовсе не одобряла. И в глубине души была рада, что летний визит обеих Альфеус

Пенхаллоу в Розовую Реку будет недолгим. Миссис Альфеус собиралась отправиться в более фешенебельное место.

Хью Дарк и Джоселин Дарк (*урожденная* Пенхаллоу) сидели в противоположных концах комнаты, не глядя друг на друга, при этом не думая ни о ком ином и не видя никого, кроме друг друга. Каждый из присутствующих, взглянув на Джоселин, задавался вопросом, который вот уже десять лет волновал всех: какой ужасный секрет хранит она за плотно сжатыми губами.

Роман Хью и Джоселин стал тайной и трагедией всего семейства – тайной, которую никто не сумел разгадать, хотя попыток было предостаточно. Десять лет назад Хью Дарк обвенчался с Джоселин Пенхаллоу после знаменательно приличных и несколько затянувшихся ухаживаний. Завоевать Джоселин было непросто. Этот союз радовал всех, кроме Полин Дарк – она с ума сходила по Хью, и миссис Конрад Дарк, его матери, – ее не устраивала ветвь Пенхаллоу, откуда происходила Джоселин.

Их свадебный вечер был веселым и старомодным, в лучших традициях Пенхаллоу. Присутствовали родственники до четвертого колена, и все сходились во мнении, что никогда не видели более красивой невесты и столь подходящего, восхитительного жениха. Когда свадебный ужин и торжества закончились, Хью увез невесту в «Лесную Паутину», ферму которую он приобрел в Трех Холмах. Что произошло за те

три часа между минутой, когда Джоселин, все еще в фате и атласе – ибо у Хью была романтическая мысль провести жену через порог нового дома в блистающем наряде невесты – ушла из вдовьего жилища своей матери в Серебряной Бухте в мягкую прохладу и мерцание сентябрьской ночи, и моментом, когда она вернулась обратно, пешком, все еще в свадебном, но уже потрепанном платье, никто не знал и не имел ни малейшего понятия, несмотря на все расспросы и догадки. Даже своим растерянным родственникам Джоселин сообщила лишь то, что никогда не сможет жить с Хью Дарком. Что касается Хью, он вообще ничего не сказал, и мало кто осмелился спросить его.

В безнадежных попытках узнать правду множились догадки и сплетни. Высказывались всевозможные объяснения и предположения – по большей части довольно нелепые. Например, что Хью, едва введя невесту в дом, заявил, что хозяином будет он, и предъявил свод правил, которым она должна следовать. Ни одна женщина не имеет права управлять *им*. Версия разрослась до измышления, что Хью, дабы приняться за дело должным образом, заставил или пытался заставить Джоселин ползать по комнате на четвереньках, чтобы преподать ей урок, кто в доме хозяин. Какая женщина, а тем более дочь Клиффорда Пенхаллоу, смирилась бы с подобным обращением. Джоселин швырнула ему обручальное кольцо и убежала прочь из дома.

Другие говорили, что Джоселин бросила Хью, потому что

он отказался избавиться от кошки, которую она ненавидела. «А теперь, – скорбно заметил дядя Пиппин, – кошка сдохла». Некоторые предполагали, что они поссорились, потому что Джоселин не одобрила его грамматику. По версии других она обнаружила, что он атеист. «Знаете ли, его дед читает эти ужасные книги Ингерсолла². А у Хью они стоят на полке в спальне». Была версия, что она не соглашалась с ним. «Его отец был таким, знаете ли. Не мог вынести ни малейшего возражения. Когда он говорил: «Завтра будет дождь», его приводило в ярость, если вы отвечали, что, возможно, будет ясно».

Или Хью упрекнул Джоселин, что она слишком горда, и заявил, что больше не собирается мириться с этим. Он ходил кругами целых три года, но, черт побери, пора менять фигуры танца. Разумеется, Джоселин была гордячкой. Клан признавал это. Да и какая женщина стала бы без гордости носить такую корону золотисто-рыжих волос? Но разве это извиняло жениха, распахнувшего дверь своего дома и холодно предложившего своей невесте забирать свое чертовое высокомерие туда, где ему место?

Дарки не признавали этих бредовых небылиц. Хью вовсе не виноват. Джоселин призналась ему, что страдает kleptomанией. Такое встречалось в ее семействе. Четвертая кузина ее матери была ужасной kleptomанкой. Хью подумал о бла-

² Роберт Грин Ингерсолл, 1833 – 1899г.г. – американский военный, юрист, публицист и оратор. Известен выступлениями в защиту агностицизма.

гополучии будущих поколений. А что еще ему оставалось делать?

Встречались и более мрачные догадки.

Но, несмотря на то, что небылицы распространялись и становились поводом для насмешек, мало кто верил, что в них есть хоть толика правды. Большинство из клана подозревали, что нежные розовые губки Джоселин сомкнулись из-за более страшной тайны, чем глупая ссора из-за кошки или грамотности. Несомненно, она что-то обнаружила. Но что?

Она нашла любовное письмо, которое ему написала другая женщина, и обезумела от ревности. Между прочим, прабабка Джоселин была испанкой из Вест-Индии. Испанская кровь, это вам не кот начихал. Все выходки представителей этой ветви Пенхаллоу приписывались влиянию крови испанской прабабки. Ее взял в жены капитан Алек Пенхаллоу. Она умерла, родив, к счастью, только одного сына. Но у этого сына было восемь детей. И все до единого безнадежны. Слишком страстно относились к жизни. Что бы они ни делали, получалось в десять раз сильнее, чем у любого другого.

Нет, здесь явно что-то худшее, чем просто письмо. Джоселин узнала, что у Хью есть другая жена. Те годы на западе – Хью никогда не рассказывал о них. Но в конце концов сдался и признался.

Ничего подобного. Хотя, тот ребенок из гавани... Определенно, его отец *кто-то* из Дарков. Возможно, Хью...

Естественно, что происшедшее вызвало скандал и стало

сенсацией. Старый клан, члены которого всегда утверждали, что в Серебряной Бухте ничего не может произойти, был глубоко подавлен. В Розовой Реке случился пожар. В Трех Холмах – любовный побег. Даже в Индейском Ключе несколько лет назад произошло настоящее убийство. Но ничего такого не бывало в Серебряной Бухте. И вотстряслось, словно в отместку.

Чтобы Джоселин вела себя таким образом! Ладно, если бы так поступила ее пустоголовая сестрица Милли! От нее можно было ожидать чего-то подобного, и ей бы все простилось. Но никто бы и не подумал, что Джоселин способна на такой из ряда вон выходящий поступок, так удивить всех – поэтому ее не могли простить. Хотя, самой Джоселин, казалось, было совсем неважно, простят ее или нет. Никакие мольбы ни на дюйм не сдвинули ее. «Ее отец был таким же, помните, – рыдала миссис Клиффорд Пенхаллоу. – Он никогда не менял своих решений».

«Но Джоселин же изменила свое, в тот вечер в Лесной Паутине, – отвечали ей. – *Что* произошло, Мэвис? Ты, ее мать, точно должна это знать».

«Откуда я могу знать, если она не говорит мне? – возражала миссис Клиффорд. – Никто из вас и не представляет, как она упряма. Она просто сказала, что не вернется к Хью и все. И даже не будет носить обручальное кольцо». Миссис Клиффорд считала, что это самое худшее. «*Никогда* не встречала большей упрямыцы».

«И как нам теперь ее *называть*? – причитал клан. – Она ведь стала миссис Дарк. Это невозможно изменить».

На острове Принца Эдуарда, где за шестьдесят лет случился лишь один развод, ничто *не могло* изменить этого. Никому и в голову не приходило, что Хью и Джоселин могут развестись. Дарки и Пенхаллоу все до единого умерли бы от такого позора.

Через десять лет история сама по себе сошла на нет, хотя некоторые еще продолжали гадать, не появится ли с запада его жена. Но все приняли положение дел как постоянное и непреложное. Люди даже забывали думать об этом, кроме тех редких случаев, когда видели Хью и Джоселин в одном помещении. Тогда бесплодные гадания возобновлялись.

Хью был красив и стал намного интересней теперь, в свои тридцать пять, чем двадцатипятилетним, когда был довольно тощим и долговязым. Один взгляд на него наполнял уверенностью, что этот мужчина, полный крепкой и спокойной силы, может все. Он продолжал жить в Лесной Паутине со старой тетей, которая вела для него дом, а в фермерских кругах его рассматривали как перспективного человека. Поговаривали, что консервативная партия намерена выдвинуть его кандидатом на следующих выборах в местный парламент. Но горечь в его глазах выдавала, что он потерпел крах в жизни. С той таинственной брачной ночи никто не слышал его смеха.

Он бросил короткий жадный взгляд на Джоселин, на миг

остановившись в дверях. Он не видел ее долгое время. Ее красота не потускнела за прошедшие трагические годы. Густая грива ее волос, уложенных вокруг головы пламенным протестом против модных стрижек, казалась еще прекрасней, чем прежде. Джоселин оставила позади свой расцвет – ее щеки побледнели. Но шея, которую однажды он целовал так нежно и страстно, была столь же изящна и того же цвета слоновой кости, а чудесные глаза, что могли быть голубыми, зелеными или серыми в зависимости от настроения, остались столь же сияющими и влекущими, дерзкими и живыми, как в тот миг, когда она смотрела на него в холле Лесной Паутины, в тот вечер десять лет назад. Хью сжал кулаки и губы. Хитрый лис Стэнтон Гранди уставился на него – вечно все смотрели в его сторону. Жених, отвергнутый в брачную ночь. Жених, от которого сбежала невеста, в предполагаемом ужасе или из протеста, проделав три мили по темной пустой дороге. Ладно, пусть плятятся и гадают. Только он и Джоселин знали правду – трагическую абсурдную правду, что разъединила их.

Джоселин увидела Хью, когда он вошел в комнату. Он выглядел старше, но на макушке, как обычно, торчала непослушная прядь темных волос. Джоселин поймала себя на мысли, что ей хочется пригласить ее. Кейт Мью, кокетничая, уселась рядом с ним. Джоселин всегда ненавидела и презирала Кейт Мью, урожденную Кейт Дарк – раньше она была уродливой смуглой низкорослой девицей, а теперь стала

уродливой смуглой низкорослой вдовой с большими деньгами, которых оказалось больше, чем ей нужно. Выйдя замуж ради денег, – как презрительно отметила Джоселин – она имела на это право. Но непростительно вот так сидеть рядом с Хью и глазеть на него, как на чудо. Она знала, что Кейт однажды сказала: «Я всегда говорила Хью, что из нее не выйдет хорошей жены». Джоселин слегка вздрогнула и стиснула на коленях изящные руки, без обручального кольца. Она не жалела ни раньше, ни теперь о том, что сделала десять лет назад. Она *не могла* поступить иначе, только *не она*, Джоселин Пенхаллоу, в жилах которой текла доля испанской крови. Но она постоянно чувствовала какую-то отстраненность, и с годами это чувство усугубилось. Ей казалось, что она не принимает участия в жизни, что течет вокруг. Она научилась улыбаться, как королева, лишь губами, но не глазами.

Она увидела свое лицо, отражавшееся в оконном стекле рядом с Гей Пенхаллоу, и внезапно подумала, что постарела. Гей, несущая свою юность, как золотую розу, была так счастлива, так лучезарна, словно внутри нее полыхало пламя. Джоселин ощутила странный укол зависти. Все эти десять лет она не завидовала никому, живя восторгом самоотречения и некой удивительной духовной священной страсти. Но сейчас она почувствовала странную пустоту, словно ей подрезали крылья. Холод изумления и страха охватил ее. Напрасно она пришла на этот глупый прием. Ее не интересовал старый кувшин Дарков, хотя мать и тетя Рейчел обе

хотели его. Она бы не пошла, если бы знала, что Хью явится сюда. А кто ожидал, что он придет? Разумеется, ему не нужен кувшин. Узнай она, что это не так, она бы презирала его. Без сомнения, ему просто пришлось сопровождать мать и сестру, миссис Джим Трент. Они обе сердито уставились на нее. Золовки, миссис Пенни Дарк и миссис Палмер Дарк, сделали вид, что не заметили ее. Джоселин знала, что все они ненавидят ее. Ладно, это неважно. В конце концов, разве можно обвинять их, учитывая тот урон, который она нанесла семейству Дарков? «Неважно, – рассеянно подумала Джоселин, – а что же важно?» Она взглянула на Лоусона Дарка с его крестом Виктории, приколотым на груди, – он получил его под Амьеном – сидящего в инвалидном кресле позади Стэнтона Гранди. Он был парализован уже десять лет – следствие взрыва снаряда. Взглянув на его жену, Наоми Дарк, с ее терпеливым измученным лицом и темными запавшими глазами, в которых все еще горел огонь надежды, что поддерживал ее жизненные силы, Джоселин изумилась, вдруг поняв, что странным образом завидует ей. Зачем завидовать той, чей муж, вернувшись с войны, не узнал ее и до сих пор не узнает? Относительно всего прочего его мозг работал нормально, но он начисто забыл свою невесту, на которой женился за несколько недель до отправки на фронт. Джоселин знала: Наоми живет верой, что однажды Лоусон вспомнит ее. А пока она заботилась о нем и боготворила его. Лоусон был в восторге от нее, как от сиделки, но воспоми-

нения о внезапной любви и коротком медовом месяце покинули его. И все же Джоселин завидовала Наоми. У нее это было. Жизнь не стала для нее пустой чашей, какое бы горькое варево в ней не замешивалось. Даже миссис Фостер Дарк имела то, ради чего стоило жить. Хэппи Дарк сбежал из дома много лет назад, оставив записку: «Мама, я когда-нибудь вернусь». Миссис Фостер никогда не запирала двери на ночь, на случай, если придет Хэппи, и все знали, что она оставляла на столе ужин для него. Никто не верил, что Хэппи вернется – юный мерзавец несомненно был давно мертв, и слава богу! Но надежда поддерживала миссис Фостер, и Джоселин завидовала ей!

Она увидела Мюррея Дарка, пожирающего глазами Тору Дарк, довольствующегося единственным ее взглядом в ответ. Он предпочитает один из этих долгих, глубоких далеких взглядов Торы любому поцелую другой женщины. Неудивительно, что он любит Тору. Она – одна из тех женщин, в которых мужчины не могут не влюбиться, кроме разве что Криса Дарка, что разлюбил ее через шесть недель после свадьбы. Но не было и женщины, которой бы не нравилась Тора. Куда бы она ни входила, все присутствующие чувствовали себя счастливее. Она светилась жизнью, словно заботливая горящая свеча. Ее лицо сияло очарованием, не будучи красивым. Поразительное угловатое лицо, широко расставленные миндалевидные глаза, изящный изгиб губ. Она очень мило одевалась. Волосы необычного темно-каштанового цвета укла-

дывала с ровным пробором, собирая в узел на макушке. В ушах – молочно-жемчужные капельки серег. Какой бы женой она могла стать Мюррею, если бы этот презренный Крис соблаговолил умереть. Прошлой зимой он подхватил двухстороннюю пневмонию, и все были уверены, что ему конец. Но он выжил, благодаря, без сомнения, верному уходу Торы. А Мэтью Пенхаллоу из Трех Холмов, которого все любили, и в ком нуждалась его семья, умер от *своей* пневмонии. Еще одно доказательство противоречивости жизни.

Полин Дарк отсутствовала. Любит ли она Хью до сих пор? Она так и не вышла замуж. Сколько же в жизни путаницы и перекрёстков! Вот они сидят здесь, рядами, ожидая Амброзин Уинкворт с кувшином, ради которого готовы порвать друг друга на части. Поистине безумный мир. Джоселин была обделена чувством юмора, но именно оно превращало этот прием в забаву для Темпеста Дарка, что сидел позади нее. Темпест наконец принял решение по рассматриваемому им вопросу – не застрелиться ли сегодня вечером. Он едва не застрелился вчера, но подумал, что лучше подождать до окончания приема. Из простого любопытства ему хотелось узнать, кто же получит старый кувшин Дарков. Уинфрид всегда нравился этот кувшин. Он был уверен, что у него самого нет шансов. Тетя Бекки не принимала во внимание банкротств. Он обанкротился, а его жена, которую он обожал, умерла за несколько недель до этого. Он не видел никакого смысла жить дальше. Но сейчас он развлекался.

6

Донна Дарк и Вирджиния Пауэлл как обычно сидели рядом. Они были двоюродными сестрами, родились в один день да и замуж вышли одновременно, Донна – за своего второго кузена, Барри Дарка, а Вирджиния – за Эдмонда Пауэлла. Две недели спустя после свадьбы оба отправились в Валкартиер³. Эдмонд Пауэлл умер от пневмонии в лагере подготовки, а Барри Дарк встретил последний час своей славной жизни где-то во Франции. Вирджиния и Донна стали «вдовами войны» и заключили торжественный договор навсегда остаться таковыми. Идея принадлежала Вирджинии, но Донна была совсем не против поддержать ее. Она знала, что никогда не сможет полюбить другого мужчину. Она не утверждала, что ее сердце погребено в каком-то особом месте, хотя слухи иногда приписывали ей эту знаменитую фразу Вирджинии, но чувствовала то же самое. Они продолжали носить траур, хотя Вирджиния выглядела намного траурнее, чем Донна.

Многие из семейства считали, что из двух подруг Вирджиния с ее одухотворенностью, светло-золотистыми локонами и огромными незабудковыми глазами красивее. Донна была, как ее и фамилия, темной – хрупкой, бледной, с черными как смоль волосами, всегда гладко зачесанными назад – та-

³ Место расположения военной базы Канады.

кую прическу может позволить себе женщина, которая либо очень уверена в своей красоте, либо ей все равно, красива она или нет. Донне было все равно, – или она так считала – но ей повезло родиться с судьбой вдовы, и это ее спасало. Лучшими в ее внешности были глаза, словно сапфировые звезды, и ротик с ямочками в уголках. Она подстригла волосы, из-за чего ее отец устроил ужасный домашний тарарам, а Вирджиния была потрясена этим поступком.

«Думаешь, Барри одобрил бы это, дорогая?»

«Почему нет? – протестующе спросила Донна. – Барри не понравилась бы отсталая жена. Он всегда был современным».

Вирджиния вздохнула и покачала головой. *Она* никогда бы не подстригла волосы. Ведь их касался Эдмонд, ими он восхищался.

«Он зарывался лицом в мои волосы и говорил, что они, словно ароматный солнечный свет», – причитала она.

После гибели Барри Донна жила с отцом, Утопленником Джоном Пенхаллоу – так его называли в отличие от другого Джона Пенхаллоу, который не утонул – и старшей сводной сестрой Теклой. Она хотела уехать, чтобы учиться на медсестру, но Утопленник Джон наступил своей отнюдь не маленькой ногой на горло этому желанию. Донна сдалась, поскольку проще было сразу сдаться, чем сопротивляться. Он просто укладывал людей на лопатки своим криком. Гнев Утопленника Джона был печально известен всему клану. Ко-

гда его упрекали в этом, он отвечал:

«Если бы я иногда не гневался, мои жены повесились бы от скуки».

Утопленник Джон был дважды вдовцом. С первой женой, Дженни Пенхаллоу, он начал спорить сразу после венчания. Когда они узнали, что ждут ребенка, то спорили о колледже, куда послать его учиться. Ребенок оказался Теклой, и вопрос отпал сам по себе, во всяком случае, для Утопленника Джона. Но ссоры продолжались и закончились таким скандалом, что клан начал подозревать, что они в конце концов разведутся, хотя, конечно, не разведутся. Подобная мысль никогда не посещала умы клана. Но Утопленник Джон не видел в этом смысла. В противном случае ему пришлось бы нанять экономку.

«Лучше я буду спорить с Дженни, чем с любой другой женщиной», – говорил он.

Когда Дженни умерла, – «явно от изнеможения», как утверждало семейство – Утопленник Джон женился на Эмили Дарк, предназначенной стать матерью Донны. Семейство считало, что она слегка безумна, согласившись выйти за него после всех предупреждений о той жизни, которая ей предстоит. Но Утопленник Джон никогда не ссорился с Эмили. Она просто не спорила с ним, и он втайне подумывал, что жизнь с нею слишком скучна. И хотя у него в запасе имелось лишь два набора манер, и второй, лучший из них, он использовал дома, Текла и Донна любили его. Когда он делал

то, что хотел, он был вполне сношен. Ненавидьте то, что он ненавидит, любите то, что он любит, позволяйте ему иногда поболтать – и вам не найти более приятного человека.

О молодости Утопленника Джона рассказывали множество причудливых небылиц, апофеозом которых являлась история о его ссоре с отцом, когда Утопленник Джон, имевший невероятной силы голос, орал так громко, что его было слышно за две мили в Трех Холмах. После этой ссоры он сбежал на корабле в Новую Зеландию. Во время плавания он свалился за борт, и семейству сообщили, что он утонул. Клан отслужил по нему панихиду, а отец заказал выгравировать его имя на большом семейном памятнике на кладбище. Два года спустя молодой Джон вернулся домой не слишком изменившимся, кроме, разве что, татуировки огромной змеи на правой руке, благоприобретенного и весьма обильного запаса бранных слов да устойчивого отвращения к морским путешествиям. Некоторые считали, что судно, подобравшее его в море, вмешалось не в свое дело. Но Джон поселился на ферме, сообщил Дженни Пенхаллоу, что собирается жениться на ней, и не позволил убрать свое имя с семейного памятника. Это было неплохой шуткой. Каждое воскресенье Утопленник Джон ходил на кладбище и хохотал над ней.

Он сидел позади Уильяма И. и размышлял, неужели тот настолько самонадеян, что рассчитывает получить кувшин. Конечно же, без всяких сомнений, только он, Джон Пенхаллоу, должен обладать им. Было бы чертовски возмутитель-

но со стороны тети Бекки отдать его кому-то другому, и он сообщит ей об этом всеми приемлемыми и неприемлемыми словами. Его длинное лицо стало пунцовым от ярости от одной лишь мысли – краска залила уродливую лысину, перетекая со лба на макушку. Седые усы встали дыбом. Глаза навывкате смотрели в упор. Любыми словами и более чем доходчивыми – если кто-то другой получит кувшин, ему придется иметь дело с ним.

«Интересно, о чем это Утопленник Джон так злобно бранится про себя?» – подумал дядя Пиппин.

Донна тоже хотела кувшин. С ума сходила по нему. Она чувствовала, что обязана его получить. Давным-давно, когда Барри был еще маленьким мальчиком, тетя Бекки пообещала, что после своей смерти оставит кувшин ему. Так что, именно она, вдова Барри, должна стать его владелицей. Это была славная старая вещь, со своей романтической историей. Донна всегда страстно желала его. Она не бранилась про себя, как ее отец, но сердито думала, что вряд ли где-то еще можно встретить такую толпу старых гарпий.

Снаружи, на перилах веранды, лениво покачивая длинной ногой, сидел Питер Пенхаллоу. На его длинном, загорелом, хмуром лице застыло презрительное выражение. Лицо Питера всегда было хмурым и скучным – по крайней мере, в цивилизованном мире. Он не собирался заходить в комнаты. Не дожидаетесь, чтобы Питер зашел в клетку, набитую охотниками за наследством. Впрочем, для Питера любое помещение, будь оно даже пустым, всегда оставалось лишь местом, которое следовало немедленно покинуть. Он утверждал, что задыхается в четырех стенах. Явившись, конечно же, против воли, на этот адский прием, – проклятие прихотям тети Бекки! – он мог хотя бы оставаться снаружи, на веранде, откуда открывался далекий вид сверкающей огнями гавани, а прямо с залива дул славный ветерок, не знающий оков, – Питер любил ветер – да и на большую цветущую яблоню смотреть было куда приятнее, чем на любое женское лицо, попадавшееся ему на глаза. Клан записал его в женоненавистники, но он вовсе не являлся таковым. Единственной женщиной, которую он ненавидел, была Донна Дарк. Он просто-напросто не интересовался женщинами и даже не пытался, поскольку был уверен, что на свете не существует той, что могла бы разделить его образ жизни. А изменить этот образ и принять оседлое существование никогда не приходило Пи-

теру в голову. Женщины сожалели об этом, поскольку он был весьма привлекателен. Не красив, «но очень заметен, знаете ли». У него имелись серые, похожие на орлиные, глаза, что чернели в минуты волнения или глубокого чувства. Женщинам не нравились эти глаза, им становилось не по себе от его взгляда, но считали, что у него красивые губы, привлекающие своей силой, чувственностью и иронией. Как сказал дядя Пиппин, семейство, вероятно, было бы в восторге от Питера, будь у них хоть малейший шанс поближе познакомиться с ним. До сей поры он оставался лишь беглецом от родни, будоражащим воображение, чьи приключения добавляли остроты в их жизнь, и кем они очень гордились, ибо его исследования и открытия принесли ему известность, – «дурную славу», как говорил Утопленник Джон – но кого они даже и не пытались понять и чьих саркастических усмешек побаивались. Питер ненавидел притворство любого вида, а клану, подобному Пенхаллоу и Даркам, оно всегда свойственно. Иначе они не смогли бы существовать как клан. Но Питер никогда не уступал.

«Взгляните на Донну Дарк, – вечно усмехался он. – Притворяется, что предана памяти Барри, а сама, подвернись ей шанс, тотчас же выскочила бы замуж во второй раз».

Не то чтобы сам Питер когда-либо поглядывал на Донну. Он не видел ее с того последнего воскресенья перед своим побегом на судне для перевозки скота, когда она, тогда девочка восьми лет, сидела в церкви через ряд от него. Но оче-

видцы озвучили, что он сказал Донне, и она навсегда запомнила эти слова. Она не слишком надеялась, что ей выпадет удача расплатиться с ним. Но среди ее грез была одна, в которой Питер Пенхаллоу по какой-то таинственно-безумной причине влюбляется в нее и просит руки – лишь для того, чтобы быть с позором отвергнутым. О, как бы она отказала ему! Как бы показала, что она «вдова, между прочим». А пока ей приходилось утешаться ненавистью, столь же горькой, какой мог ненавидеть сам Утопленник Джон.

Питер, будучи по специальности инженером-строителем, а по жизни – исследователем, родился в снежную бурю и чуть не уморил трех человек, пока она бушевала – начиная со своей матери и заканчивая отцом и врачом – они оказались отрезанными от мира и едва не замерзли до смерти в ту бурную ночь. Когда их через какое-то время откопали и отогрели, там обнаружился и Питер. Как утверждала тетушка Но, на свете еще не рождалось такое дитя. Когда она принесла его на кухню, чтобы запеленать, он сам поднял голову и осмотрелся вокруг яркими внимательными глазами. Тетушка Но никогда не видела ничего подобного. Она так испугалась, что вздрогнула и уронила Питера. К счастью, он не ушибся, потому что упал на мягкую подушку, но это происшествие стало первым из череды его чудесных спасений. Тетушка Но всегда с благоговением рассказывала, что Питер не плакал, явившись в этот мир, как должны поступать все нормальные дети.

«Как будто ему нравятся перемены, – говорила тетушка Но. – Он прекрасный здоровый малыш, но...», – здесь тетушка Но многозначительно качала головой. Семейство Джеффа Пенхаллоу не раздражали ее «но». Из-за них она получила свое прозвище. *Но* в семье считали, что ее дурное предчувствие в этом случае справедливо.

Питер продолжал любить перемены. Он родился с душой Бальбоа⁴ или Колумба. Главным соблазном для него стало попасть туда, где еще не ступала нога человека. В нем кипела неутолимая жажда жизни. «Жизнь, – бывало, говорил он, – это огромное чудесное приключение, которое мы делим с богами». Когда ему было четырнадцать, он заработал на свое первое кругосветное путешествие, начав с десяти центов и трудясь на судне, перевозящем скот в Австралию. Вернулся домой со шкурой тигра-людоеда, которого убил сам, для украшения пола в гостиной матери, и коллекцией великолепных голубых африканских бабочек, ставшей предметом хвастовства клана. Он вновь поступил в школу, усердно учился и со временем получил специальность инженера-строителя. Эта профессия позволила ему путешествовать по свету. Заработав достаточно денег, чтобы не работать какое-то время, он бросал дела и занимался исследованиями. Он всегда стремился к неизвестному, не нанесенному на кар-

⁴ *Васко Нуньес де Бальбоа – испанский конкистадор, который основал первый европейский город на американском континенте и первым из европейцев вышел на американский берег Тихого океана.*

ту, не обнаруженному. Семья смирилась с этим. Как сказал дядя Пиппин, Питер был «не домашним», и все знали, что никогда таким не станет. Он попадал во множество экстремальных приключений, о которых клан знал, и тысячи, о которых они даже и не слышали. Они всегда ожидали, что Питер вот-вот погибнет.

«Когда-нибудь его сварят», – сказал как-то Утопленник Джон. Сказал не Питеру, поскольку никогда с ним не разговаривал. Между этими двумя семействами Пенхаллоу существовала давняя вражда, начавшаяся с того дня, когда Джефф Пенхаллоу убил собаку Утопленника Джона и повесил на его воротах, потому что она напала на его овец, а тот отказался это признать и наказать ее. С того дня никто из семьи Утопленника Джона не имел никаких дел, разговоров и прочего с членами семьи Джеффа Пенхаллоу.

Утопленник Джон ударил и всячески оскорбил на площади Шарлоттауна некоего человека, который заявил, что слово Джеффа Пенхаллоу все равно, что его ручательство – ни то, ни другое ничего не стоят. А Питер Пенхаллоу отвесил пощечину знакомому с острова, который смеялся над Теклой Дарк, потому что она приправила имбирный хлеб горчицей. Но в этих поступках заключалась верность клану, а не личные отношения, с каждым годом становящиеся все жестче и горше. Когда Барри Дарк, кузен и лучший друг Питера, объявил, что собирается жениться на Донне Дарк, Питер не пытался ни удержать, ни привязать его. Он просто отказался

считаться с действительностью и так резко поссорился с Барри, что даже Джефф Пенхаллоу посчитал, что Питер зашел слишком далеко. Когда наступил день свадьбы, Питер уже охотился на оленей в Новой Зеландии, весьма огорченный, отчасти тем, что Барри женился на одной из проклятой расы, а отчасти, что он, Питер, будучи печально известным и неизлечимым левшой, не смог поступить в ряды иностранного легиона. Барри очень обиделся из-за поступка Питера, и с тех пор в их отношениях появился ледок, которому не суждено было растаять, потому что Барри не вернулся с фронта. Это оставило горечь в душе Питера и еще более усилило ненависть к Донне Дарк.

Он не собирался идти на прием к тете Бекки. В этот день он хотел отправиться в исследовательскую экспедицию в верховья Амазонки. Он уложил, завязал и закрыл свой багаж, насвистывая с легким мальчишеским удовольствием от того, что скоро окажется далеко отсюда. Он слишком долго прожил дома, целый месяц. Но, слава богу, ни минутой больше. Через несколько недель он будет за тысячу миль от всех этих мелких сплетен, ничтожных пристрастий и неодобренных Дарков и Пенхаллоу; от мира, где женщины стригут волосы, отчего невозможно определить со спины, кто из них старуха, а кто – девушка-подросток; будет там, где никто не станет стонать: «Что люди подумают о тебе, Питер, если ты сделал то-то или чего-то не сделал?»

«Клянусь девятью богами Клузиума⁵, эти места не увидят меня в ближайшие десять лет», – объявил Питер Пенхаллоу, сбегая по ступенькам к машине брата, который ждал его, чтобы отвезти на станцию.

И тотчас Судьба, шаловливо хихикнув, похлопала его по плечу. Его сводная сестра Нэнси, вся в слезах, вышла во двор. Она не сможет попасть на прием, если он не отвезет ее. Машина ее мужа сломалась. А она должна быть там. У нее не будет ни единого шанса получить этот милый старый кувшин, если она не доберется туда.

«Молодой Джефф сможет отвезти тебя. Я дождусь вечернего поезда», – любезно предложил Питер.

Молодой Джефф не согласился. Ему нужно копать репу. Он может потратить полчаса, чтобы подбросить Питера на станцию, но не намерен весь день торчать в Индейском Ключе.

«Отвези ее сам, – сказал он. – Если тебя устраивает вечерний поезд, все равно тебе сегодня нечего делать».

Питер неохотно согласился. Впервые в жизни он сделал то, что очень не хотел. Но Нэнси была такой милой малышкой – его любимицей в семье. Она легко уломала его своими «О, Питер!» Если она отдала сердце этому чертовому кувшину, он не станет лишать ее шанса.

Если бы Питер мог предвидеть, что Фортуна уготовила

⁵ Клузиум или Клузий – древний город в Италии, один из нескольких найденных на ее территории.

для него, повез бы он Нэнси на прием или отказался? Сделал бы он это сейчас, зная обо всем, что произошло? Спросите у него сами.

Итак, Питер появился на приеме, но был мрачен и не зашел в дом. Он не объяснил настоящей причины – при всей своей ненависти к притворству. Возможно, он не признавался в этом даже сам себе. Питер, который не страшился ни единого существа на свете, от змей до тигров, в глубине души побаивался тетю Бекки. Да и сам дьявол, как считал Питер, испугался бы этого язвительного старого языка. Не страшно, если бы она наносила ему такие же, как другим, прямые удары. Но для Питера у тети Бекки имелась иная тактика. Она с улыбкой произносила перед ним короткие речи, лаконичные, тонкие и опасные, словно порез бумагой, и Питер оказывался беззащитным перед ними. Поэтому он устроился на перилах веранды. Лунный человек расположился в другом ее конце, а Большой Сэм Дарк и Маленький Сэм Дарк расселись в кресла-качалки. Питер ничего не имел против этой компании, но содрогнулся, когда на веранду явилась и уселась на единственный оставшийся стул миссис Тойнби Дарк, начав, как обычно, жаловаться на недомогания и закончив псевдоблагодарностью за то, что она такая, какая есть.

«Современные девушки слишком крепки здоровьем, – вздыхала миссис Тойнби. – Это несколько вульгарно, как ты считаешь, Питер? В девушках я была очень хрупкой. Одна-

жды упала в обморок шесть раз за день. Не уверена, что *обязана* заходить в эту душную комнату».

Питер ответил ей довольно грубо, но его можно простить, поскольку вряд ли когда-либо в жизни он был так напуган, если не считать того случая, когда перепутал аллигатора с бревном.

«Если вы останетесь здесь в обществе четверых холостых мужчин, дорогая Алисия, тетя Бекки решит, что у вас имеются matrimониальные планы, и тогда у вас не будет шанса получить этот кувшин».

Миссис Тойнби позеленела от сдерживаемого гнева, бросила на него взгляд, в котором содержались слова, что нельзя произнести вслух, и ушла вместе с Вирджинией Пауэлл. Питер тотчас принял меры предосторожности, забросив лишний стул через перила в кусты спиреи.

«Прошу прощения за мои рыдания», – сказал Маленький Сэм, подмигивая Питеру и вытирая огромные воображаемые слезинки.

«Мстительна, она очень мстительна, – заметил Большой Сэм в сторону ретировавшейся миссис Тойнби. – И хитра, как сатана. Тебе не следовало ссориться с ней, Питер. Она припомнит тебе все, если сможет».

Питер рассмеялся. Что значила мстительность миссис Тойнби для того, кого ждали соблазнительные тайны неизведанных джунглей Амазонки? Он погрузился в мечты о них, пока оба Сэма дымили своими трубками и размышля-

ли, каждый о своем.

«Маленький» Сэм Дарк, ростом шесть футов и два дюйма, и «Большой» Сэм Дарк, ростом пять футов один дюйм, приходились друг другу кузенами. «Большой» Сэм был старше на шесть лет, и прилагательное, которое в детстве звучало вполне логично, приложилось к нему на всю жизнь, как часто случалось в Розовой Реке и в бухте Малой Пятницы. Оба Сэма, бывшие моряки-грузчики-рыбаки, уже тридцать лет жили вдвоем в небольшом доме Маленького Сэма, что, словно морская ракушка, прилепился к красному мысу бухты Малой Пятницы. Большой Сэм был прирожденным холостяком. Маленький Сэм – вдовцом. Его женитьба осталась так далеко, где-то в смутном прошлом, что Большой Сэм уже почти простил его за это, хотя и напоминал иногда, в частых ссорах, которыми они оживляли свою довольно монотонную жизнь приставших к берегу моряков.

Ни сейчас, ни прежде оба не отличались красотой, но их мало волновал сей факт. Лицо Большого Сэма было скорее широким, чем длинным, а борода – пламенно-рыжей, что являлось редкостью среди Дарков, внешность которых обычно соответствовала фамилии. Он никогда не умел, да так и не научился готовить, зато стал хорошей прачкой и рукодельником. А еще он умел вязать носки и писать стихи, которые ему очень нравились. Он сочинял эпические поэмы и с удо-

вольствием декламировал их неожиданно мощным для столь тщедушного тела голосом. Даже Утопленник Джон едва ли смог взречь громче. В дурном настроении он чувствовал, что упустил свое призвание, и никто не понимает его. И что почти все будут прокляты в этом мире.

«Мне следовало стать поэтом», – скорбно вещал он своей оранжевой кошке по имени Горчица. Кошка всегда соглашалась с ним, но Маленький Сэм иногда презрительно фыркал. Если у него и имелось тщеславие, то все оно было тщательно вытатуировано в виде якорей на его руках. Якоря, на его вкус, были симпатичнее и больше соответствовали морскому делу, чем змей Утопленника Джона. Большой Сэм всегда был либералом в политике, а на стене над его кроватью висел портрет сэра Уилфрида Лорье⁶. сэра Уилфрида не было в живых, он ушел в прошлое, но, по мнению Большого Сэма, ни один современный лидер не стоил и праха с его ботинок. Премьеры и кандидаты вырождались, как и все прочее. Он считал, что бухта Малой Пятницы – самое желанное место на свете и презирал любые возражения по этому поводу.

«Мне нравится, когда у моего порога плещется море, одно только синее море», – гулко сообщил он на вопрос снимавшего в бухте летний коттедж «писаки», не кажется ли им Малая Пятница слишком уединенным местом.

⁶ Уилфрид Лорье – канадский политик, 7-й премьер-министр Канады с 11 июля 1896 по 5 октября 1911, представитель Либеральной партии, первый франкоканадец на этом посту.

«Насмешка – часть его поэтической натуры», – пояснил Маленький Сэм, чтобы писака не подумал, что Большой Сэм не в своем уме. Маленький Сэм жил в тайном страхе, а Большой – с тайной надеждой, что писака «вставит их в свою книгу».

На фоне тощего Большого Сэма Маленький Сэм выглядел огромным. Лоб занимал буквально половину его веснушчатого лица, а сеть больших фиолетово-красных вен на носу и щеках наводили на мысль о чудовищном пауке. Он носил огромные свисающие усы, похожие на подкову – они казались лишними на его лице. Но он был добродушен, с удовольствием и хорошо готовил, особенно свои знаменитые гороховые супы и похлебки из устриц. Его политическим идолом стал Сэр Джон Макдональд⁷, чей портрет висел над его полкой с часами, а еще слышали, как он говорил – не в присутствии Большого Сэма – что, чисто теоретически, восхищается бабёнками. У него имелось безобидное хобби – собирать черепа на старом индейском кладбище, что находилось неподалеку от бухты Большой Пятницы, и украшать ими изгородь своего картофельного поля. Каждый раз, когда он приносил домой очередной череп, меж ним и Большим Сэмом вспыхивала ссора. Большой Сэм утверждал, что это неприлично, неестественно и не по-христиански. Но черепа оставались на своих местах. Тем не менее, Маленький Сэм

⁷ Сэр Джон Александр Макдональд (1815 -1891г.г) – первый премьер-министр Канады.

иногда считался с чувствами Большого. Когда-то он носил в ушах огромные круглые золотые серьги, но отказался от этого, потому что Большой Сэм был фундаменталистом⁸ и не считал их пресвитерианскими⁹ украшениями.

Оба Сэма имели к старому кувшину Дарков лишь академический интерес. Их двоюродное родство вряд ли давало им какие-либо преимущества. Но они никогда не пропускали ни одного собрания клана. Большой Сэм, вероятно, получал здесь материал для своих стихов, а Маленький замечал пару-тройку симпатичных девушек. Сейчас он отметил, что очередной красоткой стала Гей Пенхаллоу, и что Тора Дарк располнела. *Что-то* появилось в Донне Дарк – нечто поразительно соблазнительное. Сара Уильяма И. несомненно оставалась красива, но была квалифицированной медсестрой, а Маленький Сэм всегда подозревал, что она слишком много знает о своих и чужих внутренностях, чтобы быть по-настоящему привлекательной. Что же касается дочери миссис Альфеус Пенхаллоу Нэн, о которой так много говорили, Маленький Сэм мрачно решил, что она «слишком броская».

И, конечно же, Джоселин Дарк. Она всегда была замет-

⁸ Широкую популярность религиозный протестантский фундаментализм получил среди групп пресвитериан, баптистов и методистов в 1910-е—1912 годы. Идеологами движения отвергались любые попытки критики и модернистского истолковывания Священного писания.

⁹ Пресвитерианство – одно из направлений в протестантизме и особенная форма церковной организации. *Опирается на учение Жана Кальвина и рассматривается как одна из ветвей кальвинизма и реформатской церкви.*

ной. Что за дьяволенок пробежал меж ней и Хью? Маленький Сэм считал, что слово «дьяволенок» мягче и звучит менее богохульно, чем «дьявол». Для старого морского волка Маленький Сэм слишком беспокоился о своем языке.

Освальд Дарк стоял в дальнем конце веранды, устремив огромные, безучастные агатово-серые глаза в небо и на золотой край земли, простор Серебряной Бухты. Как обычно босиком, в длинном, почти до пола, черном полотняном пальто. Длинные, темные, без единого проблеска седины, волнистые, как у женщины, волосы, расчесаны на прямой пробор. Несмотря на впалые щеки, его лицо оставалось странно гладким, без морщин. Дарки и Пенхаллоу ныне стыдились его так же, как прежде гордились им. В молодости Освальд Дарк был блестящим студентом с перспективой попасть в правительство. Никто не знал, почему он «съехал». Некоторые искали ответ в несчастной любви, другие считали, что он просто перетрутился. Иные покачивали головами в сторону того факта, что бабушка Освальда была чужачкой – из Болотного края с востока. Кто знает, какую дурную струю она, возможно, добавила в чистую кровь Дарков и Пенхаллоу?

Какой бы ни была причина, Освальд Дарк ныне считался безвредным сумасшедшим. Он бродил по красивым, красным дорогам острова, а в лунные ночи еще и весело распевал, время от времени преклоняя колени перед небесным светилом. В безлунные ночи он был горько несчастен и рыдал в лесах и чащах. Когда ему хотелось есть, он заходил в

первый попавшийся дом, громко стуча в дверь, словно у нее не было права быть закрытой, и царственно требовал еду. Поскольку все его знали, он получал требуемое, и не было дома, который не открыл бы перед ним двери в холодные зимние ночи. Иногда он исчезал из виду на неделю или около того. Но, как сказал Уильям И., у него имелось необъяснимое чутье на все семейные сборища, и он неизменно посещал их, хотя редко удавалось убедить его зайти в дом, где они проходили. Как правило, он не обращал внимания на людей, которых встречал во время своих скитаний, кроме, разве что, мрачного взгляда в ответ на шуточный вопрос «Как поживает Луна?», но никогда не проходил мимо Джоселин Дарк, не улыбнувшись ей странной жутковатой улыбкой, а однажды заговорил с нею.

«Вы тоже ищете луну, я знаю. И вы несчастны, потому что не можете достать ее. Но лучше хотеть луну, даже если невозможно ее достать, прекрасную, серебряную, далекую Леди Луну, столь же недостижимую, как любая совершенная вещь, чем хотеть и получить что-то другое. Никто не знает, только вы и я. Это чудесный секрет, правда? Остальное не стоит внимания».

Собравшиеся в гостиной слегка заволновались. Какой бес или бесовка – он или она, кто их знает – задерживает Амброзин Уинкворт с кувшином? Тетя Бекки лежала неподвижно и безмятежно глазела на гипсовый орнамент потолка, который, как отметил Стэнтон Гранди, чем-то напоминал ожоги. Утопленник Джон чихнул одним из своих знаменитых чихов, да так, что едва не сорвало крышу дома, а половина присутствующих женщин нервно подпрыгнули на стульях. Дядя Пиппин принялся рассеянно напевать *Ближе, Господь, к тебе*, но взгляд Уильяма И. заставил его замолчать. Освальд Дарк вдруг подошел к открытому окну и заглянул в комнату, осмотрев всех этих глупых встревоженных людей.

«Сатана только что прошел мимо двери», – весьма драматично провозгласил он.

«Какое счастье, что не вошел!» – невозмутимо заметил дядя Пиппин. Но Рейчел Пенхаллоу встревожилась. Ей показалось, что все *именно* так, как сказал Лунный человек. Лучше бы дядя Пиппин не шутил столь легкомысленно. Все вновь задумались – отчего не появляется Амброзин с кувшином? С нею случился приступ слабости? Не может найти кувшин? Уронила его на пол чердака и разбила?

Наконец вошла Амброзин, словно жрица, несущая священную чашу. Она поставила кувшин на маленький круглый

столик, что стоял меж комнатами. Вздох облегчения пронесся среди собравшихся, за ним последовало почти болезненное молчание. Амброзин села по правую руку тети Бекки. Мисс Джексон – по левую.

«Боже правый, – прошептал Стэнтон Гранди дяде Пиппину, – ты когда-нибудь видел трех настолько уродливых женщин, живущих вместе?»

В ту же ночь дядя Пиппин проснулся в три часа и придумал восхитительную реплику, которую мог бы бросить в ответ Стэнтону Гранди. Но сейчас ему абсолютно ничего не приходило в голову. Поэтому он повернулся в Стэнтону спиной и уставился на кувшин, как и прочие присутствующие – одни ревностно, другие безразлично, но все с естественным интересом к экспонату семейного наследства, о котором знали всю жизнь, но не имели возможности часто видеть.

Никто бы не посчитал кувшин красивым. Вкусы значительно изменились за сотню лет, если кто-то когда-либо думал, что он красив. Но все же, без сомнения, это была восхитительная вещь со своей историей и легендой, и даже Темпест Дарк наклонился, чтобы получше разглядеть его. Такой предмет, отметил он, заслуживает почитания, потому что стал символом вечной земной любви, что придавало ему особую святость.

Это был огромный пузатый кувшин из тех, что пользовались популярностью в предвикторианские дни. Старый кувшин Дарков явился на свет, когда на троне сидел Георг Чет-

вертый. Носик посуды был наполовину отбит, а посередине проходила опасная трещина. Кувшин украшали розовато-золотистые завитки, коричнево-зеленые листья и красные, и голубые розы. На одном боку изображены двое моряков на фоне английского и британского флагов, оба явно в ладу с кубками хмельного веселья. Более того, участники этой дружеской пирушки делились своими сокровенными чувствами, распевая куплет, начертанный над их головами:

*Над невзгодами моря и берега смеясь,
Мы весь мир обойдем, добрый друг,
Кружку грога по кругу, чтоб жить, не боясь,
А вторую – за милых подруг.*

На другом боку создатель кувшина, чьи предпочтения не поддавались пониманию, поместил на свободном месте патетическую строфу Байрона:

*Человек, обреченный сражаться с волной,
Курс держать в шуме ветра порывов,
Там, где валы Атлантики бурной чредой
Могут стать его вечной могилой,
Стоит только склониться пред моря грозой,
Вспомнив милый, покинутый дом со слезой.¹⁰*

¹⁰ Слегка перефразированная строфа из поэмы Байрона «Слеза» “The Tear”.

Рейчел Пенхаллоу, читая надпись, склонила длинное лицо, пряча слезы, навернувшиеся на глаза. «Как печально, как пророчески», – скорбно подумала она.

В центре кувшина, под сломанным носиком, имелись имя и дата. Гарриет Дарк, Олдбери, 1826, окруженные розово-зеленым венком, завязанным двойным узлом верной любви¹¹. В кувшине хранились сухие травы, и комната тотчас наполнилась их слабым пряным ароматом – девственно сладким, почти неуловимым, но все же с мимолетной нотой теплой страсти и горячих эмоций. Все в комнате внезапно ощутили это дуновение. Джоселин и Хью вдруг взглянули друг на друга, Маргарет Пенхаллоу почувствовала себя молодой, Вирджиния невольно сжала руку Донны, Тора Дарк беспокойно заерзала, а по лицу Лоусона Дарка пробежало странное выражение. Дядя Пиппин поймал его прежде, чем оно исчезло, заметив, как наморщился лоб Лоусона. «Он что-то вспоминал в эту секунду», – подумал дядя Пиппин.

Даже Утопленник Джон поймал себя на мысли о том, как мила и цветуща была Дженни, когда он женился на ней. Чертовски жаль, что невозможно всегда быть молодым.

Все присутствующие знали романтическую историю старого кувшина. Гарриет Дарк, уже сотню лет почивавшая на древнем английском кладбище, была когда-то, в 1826 году, прелестным стройным созданием с бледно-розовыми щеч-

¹¹ Узел верной любви или верной дружбы. Один из морских узлов.

ками, большими серыми глазами и возлюбленным – блестящим морским капитаном. Этот возлюбленный отправился в Амстердам, в плавание, которое, как оказалось, стало для него последним, и там, как гласит легенда, заказал кувшин с завитушками, стихами и узлом верной любви, чтобы подарить его своей Гарриет в день рождения – в те времена было модно дарить дамам сердца такие грубые и объемные вещи. Увы для настоящей любви и верных возлюбленных! По пути обратно капитан утонул. Кувшин доставили несчастной Гарриет, сердце которой было навсегда разбито. Оказывается, сто лет назад сердца тоже разбивались. Год спустя Гарриет, чья весна так внезапно превратилась в осень, была похоронена на кладбище в Олдбери, а кувшин передан ее сестре, Саре Дарк. Она вышла замуж за своего кузена Роберта Пенхаллоу и, будучи, как полагали, практичной и неромантичной особой, использовала кувшин для хранения своего знаменитого смородинового джема. Шесть лет спустя, когда Роберт Пенхаллоу решил эмигрировать в Канаду, его жена взяла с собой кувшин, наполненный смородиновым джемом. Путешествие было долгим и опасным, варенье – съедено, а кувшин по несчастной случайности разбит на три больших части. Но Сара Пенхаллоу оказалась находчивой женщиной. Когда она наконец разместилась в своем новом доме, то старательно склеила кувшин с помощью свинцовых белил. Тщательно и прочно, но не слишком художественно. Сара щедро обмазала части кувшина свинцовыми белилами и прижала их сво-

ими умелыми пальцами. При свете этого дня на грубоватых полосках свинцовых белил можно было увидеть отпечатки пальцев Сары Пенхаллоу.

В последующие годы кувшин находился в маслодельне, она держала в нем сливки, снятые с молока, хранящегося в ее широких, золотисто-коричневых глиняных горшках. На смертном одре она передала кувшин своей дочери Рейчел, которая вышла замуж за Томаса Дарка. Рейчел Дарк оставила его сыну Теодору. К тому времени кувшин превратился в семейное наследие и более не использовался для примитивных нужд. Тетя Бекки хранила его в своем буфете, им любовались, а его история рассказывалась на семейных собраниях. Говорили, что некий коллекционер предлагал за него тете Бекки баснословную сумму. Но ни Дарки, ни Пенхаллоу никогда не думали о продаже домашней святыни. Без сомнения, вещь должна оставаться в семье. Кому же тетя Бекки завещает ее? Этот вопрос молча задавали себе все присутствующие, но лишь тетя Бекки знала ответ и, очевидно, не спешила озвучивать его. Сегодня был ее последний прием, ей так много надо было сделать, а еще больше – сказать, прежде чем наступит очередь кувшина. Тетя Бекки намеревалась воспользоваться моментом, чтобы доставить себе удовольствие. Она хорошо знала – то, что она намерена сделать, перессорит всех, но сожалела лишь, что не доживет до той поры, когда можно будет увидеть последствия. Только взгляните на всех этих коров, что уставились на кувшин!

Тетя Бекки расхохоталась и смеялась до тех пор, пока кровать не начала качаться.

«Думаю, – наконец сказала она, вытирая выступившие от смеха слезы, – что столь торжественное собрание следует начать молитвой».

Это заявление стало подобно взрыву снаряда. О таком мог подумать кто угодно, но только не тетя Бекки! Все присутствующие посмотрели друг на друга, а затем взоры устремились к Дэвиду Дарку, единственному человеку в клане, обладающему даром произносить молитвы. Обычно Дэвид Дарк был готов к этому, но только не сегодня.

«Дэвид, – непреклонно заявила тетя Бекки. – Мне жаль, что сей клан не прославился преклонением колен в молитвах. Придется попросить тебя сделать это так, как подобает».

Жена Дэвида умоляюще взглянула на него. Она гордилась, что муж умел произносить такие прекрасные молитвы. За это она прощала ему все, даже то, что он заставлял всю семью рано ложиться спать, чтобы сэкономить керосин, и имел ужасную привычку облизывать пальцы после фруктового пирога. Молитвы Дэвида стали для нее единственным притязанием на известность, и сейчас она боялась, что он хочет отказаться.

Бедолага Дэвид не имел намерения отказываться, как бы не смущало его это предложение. Отказаться – значило обидеть тетю Бекки и потерять любой шанс получить кувшин. Он прочистил горло и поднялся на ноги. Все склонили голо-

вы. На веранде оба Сэма, поняв, что происходит, когда звучный голос Дэвида достиг их ушей, вынули трубки изо ртов. Молитва Дэвида была не из его лучших, как призналась самой себе его жена, но вполне красноречива и уместна, и он почувствовал себя обиженным, когда после «Аминь» тетя Бекки сказала:

«Сообщить Богу о том, что происходит, не есть молитва, Дэвид. Лучше было бы оставить что-то для Его воображения. Но, полагаю, ты сделал все, что мог. Спасибо. Кстати, помнишь ли ты, как сорок лет назад завел старого барана Аарона Дарка в церковный подвал?»

Дэвид выглядел глупо, а миссис Дэвид была возмущена. У тети Бекки определенно имелась отвратительная привычка сообщать публично о тех случаях, которые люди более всего хотели бы забыть. Но такой она была. И не следовало возмущаться, если хочешь получить кувшин. Дэвид и его жена выдавили слабые улыбки.

«А Ноэль, – думала Гей, – сейчас выходит из банка».

«Любопытно, – задумчиво сказала тетя Бекки, – кто был первым человеком, произнесшим молитву. И о чем он молился. И как много молитв было сказано после него».

«И на многие ли из них получен ответ», – добавила Наоми Дарк, впервые с такой горечью и так неожиданно.

«Может быть, Уильям И. мог бы пролить какой-то свет, – недобро хихикнул дядя Пиппин. – Как я понимаю, он систематически записывает все свои молитвы, и те, на которые

было отвечено, и те, на которые не было. Ну и как оно, Уильям И.?

«В среднем, пятьдесят на пятьдесят», – важно сказал Уильям И., совсем не понимая, отчего кое-кто из присутствующих захихикал. «Но должен заметить, – добавил он, – что некоторые из ответов были особыми».

Что касается Амброзин Уинкворт, то Дэвид сделался ее врагом на всю жизнь, потому что описал ее в молитве, как «Вашу престарелую служанку». Амброзин бросила на него злобный взгляд.

«Престарелая, престарелая, – мятежно пробормотала она. – С чего бы это? Мне только семьдесят два, и я помоложе некоторых здесь, помоложе».

«Тихо, Амброзин, – властно сказала тетя Бекки. – Ты была молодой давным-давно. Подложи-ка мне под голову еще одну подушку. Спасибо. Я намерена развлечься, читая свое завещание. Я уже повеселилась, написав собственный некролог. Он будет напечатан точно таким, как я его написала. Камилла поклялась проследить за этим. Боже правый, что за некрологи я, бывало, читала! А ныне послушайте мой!»

Тетя Бекки достала из-под подушки свернутый лист бумаги.

«Скорбь не охватила жителей Индейского Ключа, Трех Холмов, Розовой Реки или Серебряной Бухты при известии о том, что миссис Теодор Дарк, которую обычно называли тетей Бекки – более по привычке, чем из привязанности –

умерла – такого-то-такого-то числа – в возрасте восьми-десяти пяти лет».

«Заметьте, – сказала тетя Бекки, прерывая саму себя, – что я сказала: умерла. Я не скончаюсь, не завершу свой путь, не заплачу свой долг природе или покину эту жизнь, или отправлюсь в лучший мир, или буду призвана в могилу. Я намерена просто и одиноко умереть».

«Все сошлись во мнении, что пожилая леди умерла как раз вовремя. Она достойно и даже блестяще прожила долгую жизнь, испытала все, что может испытать порядочная женщина, пережила своего мужа, детей и всех, кто когда-либо питал к ней какие-либо чувства. Нет ни смысла, ни причины, ни нужды притворяться скорбящими или опечаленными. Похоронная процессия двинулась – такого-то числа – от дома мисс Камиллы Джексон в Индейском Ключе. Согласно настойчиво выраженному желанию тети Бекки, это были веселые похороны, организованные мистером Генри Трентом, гробовщиком из Розовой Реки».

«Генри никогда не простит мне, что я не назвала его владельцем похоронного бюро, – сказала тетя Бекки. – Владелец! Хм! Но Генри – гений по устройству похорон, и я выбрала его, чтобы он устроил мои».

«Церемония возложения цветов была пропущена по требованию – никаких кошмарных похоронных венков, не забудьте. Никаких арендованных арф, подушек и крестов. Но если кто-то захочет принести букет из своего сада, я не воз-

ражаю – *отпевание* прошло под руководством преподобного мистера Трекли из Розовой Реки. Гроб несли Хью Дарк, Роберт Дарк, – надеюсь, ты не споткнешься, Денди, как на похоронах Селины Дарк. Что за встряску ты устроил бедняжке! – Палмер Дарк, Гомер Дарк, – поставьте их по разные стороны гроба, чтобы они не подрались – Мюррей Дарк, Роджер Пенхаллоу, Дэвид Дарк и Джон Пенхаллоу, – Утопленник Джон, прошу, никаких валяний дурака в Серебряной Бухте – *который умудрился ни разу не выругаться в течение всего представления, в отличие от похорон его отца*».

«Я не ругался, – злобно заорал Утопленник Джон, вскакивая на ноги. – Вы не осмелитесь обнародовать эту клязу обо мне в своем чертовом некрологе. Вы... вы...»

«Сядь, Джон, сядь. Этих слов, в общем-то, в некрологе нет. Я придумала сейчас, чтобы встряхнуть тебя. Садись. Может быть, это произошло на похоронах твоей матери. Пожалуйста, больше не прерывай меня. Вежливость ничего не стоит, как говорят шотландцы».

«Тетя Бекки была рождена пресвитерианкой, жила пресвитерианкой и умерла пресвитерианкой. Ее мужа, Теодора Дарка, было нелегко ублажить, но она стала для него настолько хорошей женой, насколько он того заслуживал. Она была хорошей соседкой, такой, какой положено, и не ссорилась чаще, чем все прочие в семье. Она умела лишать людей самоуверенности, что мало способствовало ее популярности. Она редко страдала молча. Она имела вполне

умеренный нрав, ни хуже, ни лучше прочих, и не стала мягче с годами. Она всегда соблюдала приличия, хотя часто было бы проще пренебречь ими. Она всегда говорила правду, неважно к добру или к беде, но могла соврать безо всяких угрызений совести, если люди спрашивали о том, что их не касалось. Иногда под влиянием волнения она употребляла бранные слова и могла выслушать пикантную историю, не побледнев от подробностей, но бесстыдство никогда не занимало ее. Она платила долги, регулярно посещала церковь, считала сплетни занимательными, любила первой узнавать новости и всегда особо интересовалась делами, которые ее не касались. Она могла смотреть на младенца без желания съесть его, но была хорошей матерью для своих детей. Как и большинство женщин она мечтала о свободе, но всегда понимала, что на свете невозможно быть по-настоящему свободной, и счастливы те, кто может выбирать себе хозяина, поэтому никогда не делала ошибочных и бесполезных попыток изменить свой путь. Иногда она бывала подлой, нечестной и жадной. Иногда благородной, честной и щедрой. Короче говоря, она была обычным человеком, прожившим так долго, как следует».

«Вот так, – сказала тетя Бекки, пряча некролог под подушку, вполне довольная тем, что создала сенсацию. – Вы убедились, что я не назвала себя ни «последней миссис Дарк», ни «усопшей леди», ни «реликтом». На этом все».

«Боже правый, слышали ли вы что-либо подобное?» – ти-

хо прошептал дядя Пиппин.

Остальные молчали, охваченные гневным ужасом. Разумеется, без сомнения, этот отвратительный некролог никогда не будет опубликован. Он *не* должен быть опубликован, если этому можно помешать, не прибегая к убийству Камиллы Джексон. Иначе посторонние посчитают, что он написан кем-то из оставшихся в живых членов клана.

Но тетя Бекки достала другой документ, и все Дарки и Пенхаллоу временно закупорили свое негодование и откупорили уши. Кто же получит кувшин? Пока не прояснится этот вопрос, некролог может подождать.

Тетя Бекки развернула завещание и водрузила свиноподобные очки в круглой оправе на крючковатый нос.

«Я оставила все свои небольшие деньги Камилле до конца ее дней, – сказала она. – После ее смерти они должны достаться больнице в Шарлоттауне».

Тетя Бекки внимательно осмотрела собравшихся. Но не заметила особого разочарования. К чести Дарков и Пенхаллоу они не были жадны до денег. Никто не выказал недовольства по поводу прав Камиллы Джексон. Деньги – это то, что каждый должен заработать сам, но семейная реликвия, покрытая сантиментами умерших, ушедших надежд и страхов поколений, совсем другое дело. Что если тетя Бекки оставит кувшин какому-нибудь знатному чужаку? Или отдаст в музей? Она вполне способна совершить такое. Уильям И. Пенхаллоу мысленно поклялся, что в этом случае обратится к

своему адвокату.

«Все долги следует выплатить, – продолжала тетя Бекки, – а моя могила должна быть высокой, а не плоской. Я настаиваю. Запиши это, Артемас».

Артемас Дарк недовольно кивнул. Он был содержателем кладбища Розовой Реки и знал, что кладбищенский комитет будет раздосадован из-за этого. Кроме того, такую могилу чрезвычайно сложно выкашивать. Тетя Бекки, вероятно, прочитав его мысли, сказала:

«Не хочу над собой выкошенной лужайки. Ты можешь преспокойно подстригать мою могилу ножницами. Я оставила также указания по поводу могильной плиты. Хочу такую же большую, как у всех. И еще я хочу, чтобы в гробу меня завернули в мою кружевную шаль. Это единственная вещь, которую я желаю взять с собой. Теодор подарил мне ее, когда родился Рональд. Были времена, когда Теодор умел, как все прочие, совершать любезные поступки. Она совсем как новенькая. Я храню ее завернутой в серебряную бумагу на дне третьего ящика комода. Не забудь, Камилла».

Камилла кивнула. На лице миссис Клиффорд Пенхаллоу промелькнула первая тень разочарования. Она все сердцем желала получить кружевную шаль, поскольку боялась, что кувшин ей вряд ли достанется. Утверждали, что Теодор Дарк заплатил за нее двести долларов. Подумать только: закопать две сотни долларов!

Миссис Тойнби Дарк, которая весь день ждала повода,

чтобы пустить слезу, решила, что он нашелся, когда тетя Бекки упомянула младенца, умершего шестьдесят лет назад, и достала носовой платок. Но тетя Бекки опередила ее.

«Еще не настала минута плакать, Алисия. Кстати, я как раз подумала: не скажешь ли мне одну вещь? Всегда хотелось знать, а у меня остался лишь последний шанс. Которого из трех мужей ты любила больше – Мортон Дарка, Эдгара Пенхаллоу или Тойнби Дарка? Давай, признайся-ка по-честному».

Миссис Тойнби убрала носовой платочек в сумку и с показным треском закрыла ее.

«Я была глубоко привязана ко всем своим супругам», – сказала она.

Тетя Бекки покачала головой.

«Отчего же ты не сказала: к «ушедшим» супругам? Ты ведь так подумала, правда? Именно так ты и мыслишь. Алисия, скажи честно, тебе не кажется, что следовало бы быть поэкономнее с мужьями? Трое! А бедняжки Мерси и Маргарет даже и по одному не получили».

Мерси с горечью отметила, что применяя она методы, которыми пользовалась Алисия Дарк, то, возможно, тоже бы заполучила мужей, вволю и впрок. Маргарет слегка покраснела и загрустила. Зачем, ах, зачем эта старая жестокая тетя Бекки так унижает ее публично?»

«Я поделила свои пожитки между вами, – продолжила тетя Бекки. – Мне невыносима мысль, что я умру и оставлю

столь прекрасные вещи. Но поскольку это все равно произойдет, не хочу, чтобы вы перессорились из-за них прежде, чем я остыну в могиле. Здесь все написано, черным-по-белому. Я раздала их, как взбрело в голову. Зачитаю список. И позвольте добавить: тот факт, что вы получили какую-то вещь, вовсе не означает, что у вас нет шанса на кувшин. Я доберусь до этого позже».

Тетя Бекки сняла очки, протерла их, снова надела и глотнула воды. Утопленник Джон чуть не застонал от нетерпения. Бог знает, как долго она будет добираться до кувшина. Его не интересовали пустяковые безделушки.

«Миссис Дензил Пенхаллоу получит мои розовые фарфоровые подсвечники, – провозгласила тетя Бекки. – Я знаю, ты будешь рада, Марта, дорогая. Ты столько раз намекала о них».

Миссис Дензил хотела красивые, георгианские серебряные подсвечники тети Бекки. А ей вручили пару неопишуемых фарфоровых уродцев, малинового-розового цвета, обвитых чем-то, похожим на черных змей. Но она попыталась выглядеть довольной, потому что иначе подпортила бы свои шансы получить кувшин. Дензил насупился, не заботясь, кувшин или не кувшин, но тетя Бекки заметила это. Надменный старина Дензил! Она справится даже с ним.

«Помню, когда Дензилу было лет пять, он как-то пришел ко мне со своей матерью, и наш старый индюк погнался за ним. Полагаю, бедная птица посчитала, что никто, кроме

нее, не имеет права ходить по двору со столь напыщенным видом. Помнишь, Дензил? Боже, как ты бегал и рыдал! Ты, конечно, подумал, что сам сатана преследует тебя. Знаешь, Дензил, с тех пор я ни разу не видела тебя шествующим по проходу церкви, но не раз представляла».

Ладно, такое еще можно пережить. Дензил откашлялся и пережил.

«У меня мало драгоценностей, – тем временем продолжала тетя Бекки. – Пара колец. Одно с опалом. Я отдаю его Вирджинии Пауэлл. Говорят, оно приносит неудачу, но ты, Вирджиния, достаточно современна, чтобы верить в эти старые предрассудки. Хотя, признаться, с тех пор как я заимела его, мне никогда не везло».

Вирджиния попыталась изобразить радость, хотя ей хотелось китайскую ширму. Удача или неудача, какая в том разница? Все равно жизнь для нее закончена. Никто не позабывал ее опалу, но многие наострили уши, когда тетя Бекки упомянула о кольцах. Кому достанется перстень с бриллиантом? Он был прекрасен и стоил несколько сотен долларов.

«Мой бриллиантовый перстень получит Амброзин Уинкворт», – сказала тетя Бекки.

Половина присутствующих не сумели подавить вздох неодобрения, выразив таким образом общее мнение. Это, подумали вздохнувшие, абсурд. Амброзин Уинкворт не имеет права на перстень. И зачем он ей, старой, вышедшей из строя служанке? У тети Бекки явно размягчились мозги.

«Вот он, – сказала тетя Бекки, снимая перстень с костлявого пальца и подавая дрожащей Амброзин. – Отдам его тебе прямо сейчас, чтобы потом не случилось ошибки. Надень его».

Амброзин подчинилась. Ее морщинистое лицо светилось радостью, потому что вдруг и неожиданно свершилась ее давняя мечта. Амброзин Уинкворт хоть и прожила тусклую жизнь на чужих кухнях, но всегда жаждала иметь бриллиантовый перстень. Она не надеялась получить его, а теперь он был на ее пальце, прекрасная блистательная вещица, сияющая в июньском свете, что лился через окно. Для Амброзин в этот момент свершилось все. Она более ничего не ждала от судьбы.

Возможно, тетя Бекки догадалась о тайном желании старушки. Или, может быть, отдала Амброзин перстень, чтобы подразнить клан. В последнем она, безусловно, преуспела. Нэн Пенхаллоу разозлилась больше всех. Это она должна была получить бриллиантовый перстень. Текла Пенхаллоу подумала о том же. Джоселин, у которой когда-то был такой, Донна, у которой таковой имелся до сих пор, и Гей, которая ждала, что скоро такой будет и у нее, равнодушно изумились. Хихикнув про себя, тетя Бекки вернулась к завещанию, отдавая миссис Клиффорд Пенхаллоу китайскую ширму.

«Как будто мне нужна ее старая китайская ширма», – чуть не плача, подумала та.

Единственной, кому никто не позавидовал, была Марга-

рет Пенхаллоу. Она стала обладательницей *Странствий Пилигрима*, старой потрепанной книги. С подшитыми обложками и страницами, пожелтевшими от старости. До книги было страшно дотрагиваться из опасения, что она рассыплется на части. Этот изношенный старый том по неясным причинам очень ценил Теодор Дарк. После его смерти тетя Бекки хранила книгу в старой коробке на чердаке, где она запылилась и покрылась плесенью. Но Маргарет не была разочарована. Она ведь не ждала ничего.

«Мой зеленый лист для маринада достанется Рейчел Пенхаллоу», – сказала тетя Бекки.

Длинное лицо Рейчел вытянулось еще больше. Она хотела апостольские ложки¹². Но их получила Гей Пенхаллоу, к своему удивлению и удовольствию. Ложки были оригинальны, милы и прекрасно гармонировали с неким маленьким домиком мечты, что смутно рисовался в ее воображении. Тетя Бекки взглянула на сияющее лицо Гей с чуть меньшей, чем обычно, суровостью и продолжила, отдав столовый сервиз миссис Говард Пенхаллоу, которая хотела чиппендейловский¹³ шкаф.

«Это мой свадебный сервиз, – сказала тетя Бекки. – Раз-

¹² Полный набор состоял из тринадцати ложек – двенадцать с фигурками апостолов и одна с фигуркой Христа.

¹³ Томас Чиппендейл – крупнейший мастер английского мебельного искусства эпохи рококо и раннего классицизма. Изготовленная из красного дерева, мебель этого мастера отличалась сочетанием рациональности, ясности формы и декоративности.

бился только один предмет. Теодор как-то стукнул кулаком по крышке одной из супниц, разволновавшись в споре за обедом. Но я выиграла спор – по крайней мере, настояла на своем мнении,неважно, супница или не супница. Эмили, а тебе достанется кровать».

Миссис Эмили Фрост, *урожденная* Дарк, что тоже томилась по апостольским ложкам, притворилась, что рада кровати, которая была великовата для ее крохотных комнат. А миссис Альфеус Пенхаллоу, мечтавшей о кровати, пришлось довольствоваться чиппендейловским шкафом. Донна Дарк получила старое блюдо для яиц в виде веселой разноцветной китайской курицы, сидящей на желтом китайском гнезде, и была довольна, потому что ей с детства нравилась эта старинная вещь. Джоселин Дарк достался столик красного дерева с когтеобразными ножками, на который нацелилась миссис Палмер Дарк, а Роджеру Дарку – георгианские подсвечники и вечная ненависть миссис Дензил. Красивый старинный книжный шкаф времен королевы Анны отправился к Мюррею Дарку, никогда не читавшему книг, а Хью Дарк получил старинные, восемнадцатого века, песочные часы и с горечью подумал, какой в них прок человеку, время для которого остановилось десять лет назад. Он знал, как долог бывает всего лишь один час и какие разрушительные последствия может принести.

«Кросби, ты возьмешь мой старый хрустальный графин для виски, – сказала тетя Бекки. – К сожалению, в нем дав-

ным-давно не бывало спиртного. Ты можешь наливать туда воду, что всегда пьешь ночью. Я слышала, как ты однажды восхищался им».

Старый Кросби Пенхаллоу, кивая, проснулся с довольным видом. Он и не ожидал ничего такого. Как любезно со стороны тети Бекки вспомнить о нем. У них была общая молодость.

Тетя Бекки смотрела на него – на его гладкую сияющую лысину, запавшие голубые глаза, беззубый рот. Старина Кросби никогда не вставлял зубы. Но все же, несмотря на лысину, выцветшие глаза и дряблый рот, Кросби Дарк не казался больным стариком, а совсем наоборот.

«Я хотела сказать тебе кое-что, Кросби, – сказала тетя Бекки. – Ты не знал этого – и никто не знал – но ты был единственным мужчиной, которого я любила».

Объявление стало сенсационным. Столь нелепой казалась эта изношенная страсть, что многие бы рассмеялись, если бы посмели. Кросби болезненно покраснел всем своим морщинистым лицом. Черт побери, зачем эта старуха Бекки смеется над ним? Правда это или нет, но как она осмелилась вот так выставить его перед кланом?

«Я сходила с ума по тебе, – задумчиво продолжила тетя Бекки. – Почему? Не знаю. Шестьдесят лет назад ты был так красив, как не должен быть мужчина, но мозгов у тебя не было. Но все равно ты был мужчиной для меня. И никогда не смотрел в мою сторону. Ты женился на Аннет Дарк, а я

вышла замуж за Теодора. Никто не знает, как я ненавидела его, когда выходила замуж. Но через некоторое время я поладила с ним. Такова жизнь, ты же знаешь, хотя здесь сидят три молодые романтические гусыни, Гей, Донна и Вирджиния, и думают, что я несущу чушь. Прошло время, и я справилась с чувством к тебе, хотя, даже спустя годы, мое сердце начало бешено стучать, когда я видела, как ты идешь по проходу церкви со своей безропотной маленькой Аннет, семениющей вслед. Благодаря тебе, Кросби, у меня было немало приятных волнений и, без всякого сомнения, намного больше, чем в случае, если бы я вышла за тебя. Теодор стал для меня лучшим мужем, чем был бы ты – у него имелось чувство юмора. Но теперь неважно, каким он там был – теперь я даже не хочу, чтобы ты любил меня тогда, хотя долгие годы желала этого. Боже, я не спала ночами, думая о тебе – а Теодор храпел рядом. Но все это осталось там. Так или иначе, но я всегда хотела, чтобы ты знал об этом, и наконец-то осмелилась признаться».

Старый Кросби промокнул носовым платком пот с бровей. Эразм никогда бы не позволил ему услышать такое – никогда. А если это попадет в газеты! Представь он раньше, что здесь произойдет нечто подобное, никогда бы не пришел на прием. Он мрачно взглянул на кувшин. Это его вина, чтоб его.

«Интересно, многие ли узнают такое при жизни», – сказал Стэнтон Гранди дяде Пиппину.

А тетя Бекки обратилась к Пенни Дарку и отдала ему бутылку с водой из Иордана.

«Скажите на милость, на что мне эта вода», – подумал Пенни.

Возможно, выражение его лица было слишком явным, потому что тетя Бекки вдруг опасно захихикала.

«Помнишь, Пенни, как ты выразил благодарность Робу Дафферину по поводу смерти его жены?»

Раздался хор смешков разного тембра, среди которых смех Утопленника Джона прозвучал, как землетрясение. Мысли Пенни были столь же нечестивы, как мысли прочих. Почему об этой небольшой ошибке между благодарностью и соболезнованием, случившейся из-за волнения во время публичной речи, ему вечно должны напоминать таким образом? Да еще и тетя Бекки, старая скандальная кляча, которая только что призналась, что почти всю жизнь любила человека, не бывшего ее мужем.

Мерси Пенхаллоу вздохнула. *Она* так хотела воду из Иордана. Святая вода имелась у Рейчел Пенхаллоу, и Мерси всегда ей завидовала. Любой дом благословен, если в нем есть бутылка с водой из Иордана. Тетя Бекки слышала вздох и взглянула на Мерси.

«Мерси, – сказала она, ни с того ни с сего, – а ты помнишь тот забытый пирог, что ты унесла после ужина на серебряной свадьбе Стэнли Пенхаллоу?»

Но Мерси не боялась тетю Бекки. У нее имелись свои ду-

шевные силы.

«Да, помню. А *ты* помнишь, тетя Бекки, как в начале своего замужества впервые зарезала курицу, зажарила ее и подала на стол прямо с внутренностями?»

Никто не осмелился засмеяться, но все были довольны, что Мерси показала свою храбрость. Тетя Бекки спокойно кивнула.

«Да, помню, как она воняла! Мы же были за одним столом. Не думаю, что Теодор простил меня за это. А я-то считала, все давным-давно забыто. Разве что-либо забывается? Могут ли люди *когда-либо* заглазить свою вину? Мое почтение тебе, Мерси, но я должна навести порядок еще кое-с кем. Юниус Пенхаллоу, а ты помнишь, – раз уж Мерси начала копать прошлое – насколько пьян ты был на собственной свадьбе?»

Юниус Пенхаллоу побагровел, но не мог отрицать правду. Какой смысл оправдываться, сидя рядом с миссис Юниус, что он был так перепуган в утро венчания, что ни за что бы не сумел пройти через это, не напившись? С тех пор он больше не пил, и теперь, будучи старшиной прихода, проповедующим принцип трезвости, ему было нелегко вспоминать о том случае.

«Я не единственный, кто пил в этом клане», – осмелился пробормотать он, невзирая на кувшин.

«Разумеется, нет. Вон там сидит Артемас. Помнишь, Артемас, тот вечер, когда ты явился в церковь в ночной рубаш-

ке?»

Артемас, высокий, костлявый, рыжеволосый мужчина, слишком много выпил тогда, чтобы помнить, но всегда хохотал, когда ему напоминали об этом. Он считал это лучшей в мире шуткой.

«Следовало бы сказать спасибо, что на мне было хоть что-то надето», – с усмешкой парировал он.

Миссис Артемас предпочла бы умереть. То, что казалось шуткой для Артемаса, для нее стало трагедией. Она не забыла – не могла забыть – унижения того неопишуемого вечера. Она простила Артемасу некоторые нарушения брачного обета, о которых все знали. Но не простила и никогда не простит эпизод с ночной рубашкой. Если бы на нем была пижама, было бы не столь ужасно. Но в те времена о пижамах и не слыхивали.

Тетя Бекки нацелилась на миссис Конрад Дарк.

«Я отдаю тебе свои серебряные солонки. Мать Алека Дарка подарила их мне на свадьбу. Помнишь те времена, когда ты и миссис Клиффорд поссорились из-за Алека Дарка, и она ударила тебя по лицу? Но ни одна из вас так и не получила Алека. Ладно, ладно, не станем будить призраков. Все умерло и исчезло, как мой роман с Кросби».

(«Как будто был какой-то роман», – с жалостью подумал Кросби)

«Пиппин получит часы моего деда. Миссис Дигби Дарк считает, что они должны перейти ей, потому что их мне по-

дарил ее отец. Но нет. Ты помнишь, Фанни, как однажды положила брошюру в книгу, что дала мне? Знаешь, что я с ней сделала? Я пользовалась ею, как закладкой. Никогда не прощу тебе такого унижения. Брошюра... подумать только. Зачем мне брошюры?»

«Ты... не была членом церкви», – чуть не плача, сказала миссис Дигби.

«Не была и до сих пор не являюсь. Мы с Теодором так и не решили, в какую церковь ходить. Я хотела в Розовую Реку, а он – в Серебряную Бухту. А после его смерти было бы неуважительно к его памяти ходить в церковь в Розовой Реке. И я была уже так стара, что это казалось смешным. Замужество и выбор церкви должны совершаться в молодости. Но я прожила столь же хорошей христианкой, как и все. Найоми Дарк».

Найоми, которая обмахивала веером Лоусона, подняла глаза в тот момент, когда тетя Бекки назвала ее имя.

«Тебе достанется веджвудский чайник¹⁴. Премилая вещица. Рисунок с завитушками, как там они называются, украшенный золотым блеском. Единственная вещь, которую мне жаль отдавать. Мне подарила его Летти – она купила его в городе на распродаже на свое первое квартальное жалованье. Помните Летти? Сорок лет прошло с тех пор, как она умерла. Ей было бы сейчас шестьдесят, будь она жива – так же как

¹⁴ История веджвудского фарфора началась в 1759 году, когда потомственный английский керамист Джозайя Веджвуд открыл собственную фабрику.

тебе, Фанни. О, знаю, что ты не признаешь, что тебе больше пятидесяти, но вы с Летти родились с промежутком в три недели. Забавно представить, что Летти – шестьдесят, она всегда была такой юной – самой юной из всех, кого я знала. Всегда удивлялась, как нам с Теодором удалось произвести такую. Она не могла стать шестидесятилетней, вот почему ей пришлось умереть. Сейчас я думаю, что так лучше. Мне больно, что она умерла, но думаю, было бы больнее видеть ее шестидесятилетней – морщинистой, увядшей, седой – мою милую Летти, похожую на розу, лепестками которой играет легкий ветерок. Помните ее золотистые волосы – столь живые волосы? Береги ее чайник, Найоми.

Итак, мои ценности закончились – все, кроме кувшина. Я немного устала, мне нужно отдохнуть, прежде чем возьмусь за это дело. Хочу попросить вас посидеть минут десять в абсолютной тишине и подумать над вопросом, который я намерена задать сейчас всем, кто старше сорока. Многие ли из вас хотели бы прожить свои жизни вновь, если бы могли?»

Очередная причуда тети Бекки! Они покорились ей со всею благосклонностью, на какую еще были способны. Иногда десятиминутное молчание может показаться столетним. Тетя Бекки как будто безмятежно задремала. Амброзин восторженно пялилась на бриллиантовое кольцо. Хью думал о своем свадебном вечере. Маргарет пыталась сочинить строфу нового стихотворения. Утопленник Джон начинал подозревать, что новые ботинки слишком узки и неудобны, и с тревогой вспомнил о новом помете поросят. Ему следует быть дома, чтобы присмотреть за ними. Дядя Пиппин раздраженно гадал, что это с таким интересом рассматривает приятель Гранди. Дядя Пиппин был бы еще более раздражен, узнай он, что Гранди представляет себя Богом, наводящим порядок в перекрученных жизнях присутствующих, несказанно упиваясь процессом. Мюррей Дарк пожирал Тору глазами, а Тора продолжала невозмутимо светиться своим личным светом. Гей начала подбирать подружек невесты. Маленькая Джилл Пенхаллоу и малышка Крисси Дарк. Они такие милые. Пусть будут одеты в розовый и желтый флёр и несут корзинки с розовыми и желтыми цветами – розами или хризантемами, в зависимости от времени года. Палмер Дарк наслаждался, представляя, как пинает Гомера Пенхаллоу. Старик Кросби задремал, а старый Миллер клевал но-

сом. Мерси Пенхаллоу сидела неподвижно, как стена, и критиковала вселенную. Многие были уязвлены и разочарованы; нервы натянуты, словно струны, и когда Юниус Пенхаллоу кашлянул, это прозвучало, как кощунство.

«Еще пара минут и я закину голову и завоюю», – подумала Донна Дарк. Она вдруг ощутила тошноту и усталость от всего вокруг – от своего клана, от своего смиренного существования. Зачем она живет, зачем? Зачем сидит здесь, словно пустое, не выцветшее пятно на стене, где прежде висела картина. Бессмысленная жизнь – глупый круг сплетен, ехидства и злых насмешек. Комната, заполненная людьми, готовыми задушить друг друга из-за старого разбитого кувшина и ничтожного хлама. Она позабыла, что была, как и другие, увлечена мыслью о кувшине, когда пришла сюда. Она раздраженно вопрошала, может ли с нею вновь случиться что-либо приятное, интересное или захватывающее. В ней вдруг забурила кровь молодого Утопленника Джона, стремящегося к перемене мест. Она возжелала получить крылья – широкие размашистые крылья, чтобы улететь в пену заката над волнами – побороться с ветром – подняться к звездам – короче, сделать все, чего никогда не делал ее самодовольный, процветающий, благоразумный, привязанный к дому клан. Она восстала против своей жизни. Возможно, причина беспокойства Донны заключалась в простом недостатке кислорода в помещении. Но то был момент, когда все сошлось тютелька в тютельку.

Оставшиеся на веранде обратили внимание, а затем и заинтересовались причиной, отчего так внезапно и надолго прекратились бормотания, шуршания и прочие звуки в комнате. Питер, который привык удовлетворять свое любопытство тотчас, как только хотелось, покинул перила, подошел к открытому окну и заглянул внутрь. Первое, что он увидел, было недовольное лицо Донны Дарк, сидящей возле противоположного окна в тени огромной сосны, что росла рядом с домом. Этот изумрудный тон бросил темные тени на ее блестящие волосы, углубил блеск ее удлинненных голубых глаз. Она повернулась к окну, у которого стоял Питер, опершись на подоконник. И настал момент из тех, что остаются с нами до конца дней. Их глаза встретились – Донны, окаймленные густыми темными ресницами, беспокойные и мятежные, под бровями, взлетающими словно маленькие крылья, и Питера – серые, изумленные, озадаченно хмурые.

А затем случилось это.

Ни Питер, ни Донна не поняли сразу, что же *произошло*. Они лишь знали, *что-то* случилось. Питер продолжал смотреть на Донну, как загипнотизированный. Кто это создание со столь удивительной темной красотой? Должно быть, из клана, иначе ее бы здесь не было, но он никак не мог определить ей место. Постойте-постойте – какие-то старые воспоминания замерцали перед ним, все ближе и ближе – все дальше и дальше? Он *должен* поймать их – старая церковь в Розовой Реке – он, Питер, мальчик двенадцати лет, сидящий

на семейной скамье, а напротив – маленькая восьмилетняя девочка, голубоглазая, черноволосая, с летящими бровями, маленькая девочка, *сидящая на скамье Утопленника Джона!* Он знал, что должен ненавидеть ее, потому что она сидела на той скамье. Поэтому соорудил ей гадкую гримасу. А маленькая девочка засмеялась – *засмеялась*. Она смеялась над ним. Питер, прежде ненавидя ее абстрактно, возненавидел лично. Он хранил эту ненависть, хотя с тех пор больше не встречался с нею – ни разу до сегодняшнего дня. Сейчас же он смотрел на нее через гостиную тети Бекки. В этот момент Питер понял, что с ним произошло. Он больше не был свободным человеком – он навсегда попал под власть этой бледнолицей девушки. Он по уши влюбился в дочь Утопленника Джона и ненавистную вдову Барри Дарка. Поскольку он никогда ничего не делал наполовину, то и влюбиться наполовину не мог.

У Питера слегка закружилась голова. Трудно не покачнуться, если вдруг осознал, взглянув на некую вдову, что видишь женщину, которую подспудно ждал всю жизнь. Потрясающе, когда ненависть внезапно превращается в любовь, словно твои собственные кости вдруг тают, как лед в тепле. Это сбивает с ног. Теперь Питер боялся возвращаться на перила веранды – из страха, что подведут ноги. Он знал, не переставая спорить с самим собой, что сегодня вечером не сядет на поезд в Трех Холмах, а прелести джунглей Амазонки куда-то исчезли, по крайней мере, на время. Таинство и

магия завернули Питера в свои покровы. Все, чего он желал сейчас – перепрыгнуть через подоконник, растолкать всех этих людей, что сидели между ними, схватить Донну Дарк, сорвать с нее дурацкие вдовьи одежды, которые она носила ради другого мужчины, и унести прочь отсюда. Вполне вероятно, что он так бы и сделал – Питер привык делать то, что хочет, – но в этот момент десятиминутное молчание было прервано – тетя Бекки открыла глаза. Раздался всеобщий облегченный вздох, а Питер, обнаружив, что все взоры обращены к нему, потащился обратно на перила и уселся, пытаясь собрать рассыпавшийся разум, видя перед собой лишь нежное лицо с огромными глазами, с кожей тонкой, словно крылья белой ночной бабочки, обрамленное гладкими черными волосами. Итак, он влюбился в Донну Дарк. Он подумал, что сюда его послали силы, которые управляли этой любовью. Было предписано высшей волей, что ему следует заглянуть именно в это окно, именно в этот момент. Боже, он понапрасну провел годы, ненавидя ее! Безнадежный идиот! Слепой болван! Сейчас он должен сделать только одно – жениться на ней и чем скорее, тем лучше. Остальное может подождать, но только не это. Даже то, что сама Донна думает о нем, может подождать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.